

НЕЛЛИ БЛАЙ

«Десять дней в сумасшедшем доме»
и другие статьи основоположницы
расследовательской журналистики

ПРОФЕССИЯ: РЕПОРТЕРКА

/sub

Нелли Блай

**Профессия: репортерка. «Десять
дней в сумасшедшем доме» и
другие статьи основоположницы
расследовательской журналистики**

«Individuum»

1887, 1888, 1889, 1893, 1915

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-443

Блай Н.

Профессия: репортерка. «Десять дней в сумасшедшем доме» и другие статьи основоположницы расследовательской журналистики / Н. Блай — «Individuum», 1887, 1888, 1889, 1893, 1915 — (/sub)

ISBN 978-5-6046877-0-3

«Профессия: репортерка» — сборник лучших статей Элизабет Джейн Кокран (она же Нелли Блай), основоположницы жанра журналистского расследования и одной из первых корреспонденток в истории. Вас ждут приключения в «тиндере» конца XIX века и харассмент в парках Нью-Йорка, расследование системы принудительного психиатрического лечения, описание прекарного труда упаковщиц на фабрике, разоблачения фальшивых гипнотизеров и бизнеса по продаже младенцев. Она обращала внимание на несправедливость, угнетение слабых и бедственное положение женщин и в итоге добилась изменений в американском обществе — например, ее текст «Десять дней в сумасшедшем доме» спровоцировал реформу психиатрических учреждений. Современники называли ее Леди Сенсация за умение находить выдающиеся сюжеты, хотя для этого ей порой было достаточно присмотреться к окружающим или притвориться кем-то, кто выходит за рамки нормы. Впервые публикующиеся на русском языке, расследования Блай проливают свет на истоки новой журналистики и показывают, что многие обнаруженные ей проблемы не потеряли актуальности и по сей день. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-443

ISBN 978-5-6046877-0-3

© Блай Н., 1887, 1888, 1889, 1893,
1915

© Individuum, 1887, 1888, 1889, 1893,
1915

Содержание

От редакции Individuum	7
Предисловие	8
Десять дней в сумасшедшем доме	11
Введение	11
Глава I. Деликатное поручение	12
Глава II. Подготовка к тяжелому испытанию	14
Глава III. В приюте	15
Глава IV. Судья Даффи и полиция	21
Глава V. Официально сумасшедшая	26
Глава VI. В больнице Бельвью	28
Глава VII. Цель близка	33
Глава VIII. В сумасшедшем доме	36
Глава IX. Эксперт (?) за работой	38
Глава X. Мой первый ужин	40
Глава XI. В ванне	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Нелли Блай
Профессия: репортерка
«Десять дней в сумасшедшем доме»
и другие статьи основоположницы
расследовательской журналистики

© Elizabeth Jane Cochran, 1887, 1888, 1889, 1893, 1915

© В. Бабицкая, перевод, 2022

© ООО «Индивидуум Принт», 2022

* * *

От редакции Individuum

Удача журналиста – найти сюжет. Счастье журналиста – найти героя. Элизабет Джейн Кокран (1864–1922) сделала нечто большее: она сама придумала себе героиню и стала ею – неутомимой расследовательницей Нелли Блай, защитницей обиженных и обделенных, грозой шарлатанов и угнетателей, любительницей адреналина и хлесткого слова. Благодаря упорному труду и бесстрашным поступкам она за короткий срок превратилась в самую известную журналистку своего времени – и проложила дорогу журналисткам будущего. Ее называли Леди Сенсация за умение находить выдающиеся сюжеты, причем для этого ей порой было достаточно сходить в городской парк и присмотреться к людям.

Она была «гонзо» задолго до того, как это слово стало обозначать сверхчувствительного фиксатора странных и удивительных обстоятельств, который позволяет себе не только оценивать происходящее, но и влиять на него. Своим шокирующим описанием быта женской психиатрической больницы на острове Блэкуэлл Блай добилась изменения условий содержания пациенток и финансирования подобных учреждений в лучшую сторону. Ее удивительная биография легла в основу трех художественных фильмов – «Приключения Нелли Блай» (1981), «Десять дней в сумасшедшем доме» (2015) и «Побег из сумасшедшего дома: История Нелли Блай» (2019). С нее списана отважная журналистка Женевьева Эверидж из сериала «Больница Никербокер». В ее честь назвали парк аттракционов в Бруклине – думается, что Блай бы это оценила. Перед вами сборник ее статей, выходивших в разных американских изданиях с 1887 по 1915 год и ставших классикой американской журналистики.

Почему мы решили обратиться к этим текстам именно сейчас, сто лет спустя после смерти Кокран? Во-первых, записки Блай из тюрем, больниц и фабрик нисколько не растеряли вескости, а жар ее требований справедливости и сострадания все так же способен согреть – или обжечь. Во-вторых, детали этих репортажей (как и порой суждения самой Блай!) подсказывают, что мир все же изменился – и эта дистанция позволяет воспринимать собранные здесь публикации не просто как социальную журналистику, а как явление, тесно связанное с западной культурой конца XIX века; такие приемы и обороты вряд ли встретишь в интернет-медиа. В-третьих, Individuum специализируется на «приключенческом нон-фикшне» (этот слоган как нельзя лучше подходит Блай) и не первый год выпускает книги журналистов-расследователей. Поэтому нам кажется правильным давать ключевым текстам этой традиции новую жизнь на русском языке. Так было и с антивоенным документальным хоррором Джона Херси «Хиросима», написанным в 1946-м и изданным нами в 2020-м – и с тех пор выдержавшим три тиража. Потому что есть вещи, которые не устаревают.

Это не было бы возможным без Мики Голубовского, автора идеи этого сборника, переводчицы Варварой Бабицкой и редактора Никиты Смирнова. Мы постарались сохранить аутентичность языка Блай и пояснить базовый контекст, в котором писались эти тексты, – для этого мы изучали другие публикации в прессе тех лет, проверяли адреса героев Блай и цены в каталогах за 1889 год, разбирались, как тогда выписывали векселя, припоминали вымершие профессии, изучали словари полуторавековой давности и много-много спорили. Впрочем, анахронизм в названии книги допущен умышленно – в XIX веке слово «репортерка» было знакомо только польскому уху, но сегодня женщин, таким образом определяющих свою профессию, в России становится все больше с каждым днем. Этот разговор имеет столько же отношения к языкознанию, сколько и к праву на политическое заявление, на особый подход, на активное проявление солидарности с другими людьми и, в конечном счете, на собственный голос.

К этой книге можно отнести как к аттракциону из Бруклина. А можно, вооружившись наблюдательностью и темпераментом Блай, попытаться помочь тем, кому все так же невесело на этих горках.

Предисловие

Своя палата Нелли Блай

В 1885 году в американской газете *The Pittsburg Dispatch* появляется текст, который начинается такими словами: «Что же уготовано для девушек? Для обычных девушек, у которых нет талантов, которые не красотки, не богачки».

Вместе с ним появляются Нелли Блай (тогда еще Элизабет Джейн Кокрейн) и ее главный журналистский прием – вопрос, опережающий свое время.

За этим риторическим вопросом последовал полный ярости текст – это был ответ на эссе «На что годятся девушки» постоянного автора газеты. Его написала двадцатилетняя Элизабет Джейн Кокрейн. Но чтобы выяснить это, редактору питтсбургской газеты сначала пришлось опубликовать объявление о ее розыске. Полностью эта история выглядела так. Один господин написал в газету письмо, где жаловался на свою жизнь и то, что ему приходится растить пяти-рых девушек, и спрашивал совета, как ему быть и к чему их готовить. Постоянный автор *The Pittsburg Dispatch* Эразмус Уилсон ответил ему статьей «На что годятся девушки», в которой критиковал женщин, устраивающихся на фабрики, упоминал китайский инфантицид и недвусмысленно указывал на место женщины – известно какое.

В яростном ответе на эту статью Элизабет Кокрейн объясняла, почему женщины выходят на работу, и заступалась за их право на труд. Элизабет Кокрейн никак не подписалась, поэтому редактор опубликовал ее текст с комментарием, что разыскивает автора. Когда через несколько дней она появилась в редакции, ей сразу предложили работу репортерки. Она согласилась и взяла псевдоним Нелли Блай.

Нелли Блай начинает писать о проблемах работающих женщин, становится известной авторкой и в это же время нежелательной персоной для владельца одной из местных фабрик – ее «ссылают» в отдел культуры писать о «настоящих женских» вопросах – шляпках и музыке.

Один из самых популярных очерков Блай «Десять дней в сумасшедшем доме», а также некоторые из ее статей сейчас перед вами.

Есть какое-то символическое изящество в том, что славу Блай получила за репортаж о людях, в глазах общества не соответствующих общепризнанной норме, о «ненормальных». Кажется, что такая же особенность – отойти от нормы, не вести себя так, как принято, как все остальные, – была и у самой Нелли Блай. Но именно это стало ее главной журналистской путеводной звездой и удачей. Почему она возмутилась тем, что место женщины на кухне, когда это считалось нормой? Почему решила исследовать устройство психиатрической лечебницы для женщин? Точнее – увидела, что оно особенно жестокое? Если в 1887 году все, что происходило в больнице, и было нормой?

С унижительной ссылкой в «женские темы» *The Pittsburg Dispatch* Блай не смирится. Она становится иностранным корреспондентом газеты и отправляется в Мексику писать о положении бедняков. Ее путешествие, которое и в наше время кажется довольно опасным для юной репортерки-одиночки, ложится в основу книги «Шесть месяцев в Мексике».

Нелли перебирается в Нью-Йорк. Как пишут ее биографы, в то время казалось невыносимым, чтобы женщина работала репортером, так что на работу ее никуда не брали, пока наконец ей не удалось получить задание от газеты *The New York World*. Ее главным редактором был Джон Пулитцер – родоначальник жанра расследовательской журналистики, учредивший премию, которую так ценят современные журналисты. Задание было такое: попасть в закрытую нью-йоркскую женскую психиатрическую лечебницу на острове Блэкуэлл и описать, как там лечат «умалишенных пациенток».

Блай довольно просто удается симулировать необходимые симптомы, и она быстро оказывается на Блэкуелле сначала в роли обычной пациентки, а потом и в роли пациентки-бунтарки.

Каждого, кто хоть немного знаком с тем, как реформировалась психиатрия, не сможет не восхитить проделанный путь Блай. Вот она симулирует симптомы – не спит всего одну ночь, выглядит усталой и одновременно перевозбужденной, путано рассказывает врачам свою историю и очень легко попадает в больницу. И это за 80 лет до знаменитого (и совершенно невозможного в современном мире) эксперимента американского психолога Давида Розенхана: он усомнился в корректности психиатрической диагностики и в 1973 году отправил волонтеров-псевдопациентов, имитировавших галлюцинации, в несколько психиатрических больницах разных штатов. Всех их госпитализировали, все тут же признались в том, что они участники эксперимента, но никому не удалось сразу выйти на свободу.

Вот и Блай возмущается властью врачей и санитарок над пациентками, а также изоляцией, в которой находятся женщины, будто они преступницы. Это за 70 лет до того, как Мишель Фуко, исследовав историю психиатрии в своем трактате «История безумия в классическую эпоху», назовет такой порядок вещей «психиатрической властью» и присоединится к антипсихиатрическому движению, кардинально поменявшему устройство лечебниц во многих странах.

Вот она жалеет женщин, просит за них, бунтует в меру сил и возможностей – это еще за несколько десятков лет до выхода романа Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки» и одноименного фильма с Джеком Николсоном в главной роли. Кизи делает по сути то же, что и Нелли Блай: показывает пациента сначала человеком и лишь потом – человеком с диагнозом.

Расследования «Десять дней в сумасшедшем доме» Нелли Блай вполне бы хватило, чтобы войти в историю, в учебники по журналистике и в списки женщин, благодаря которым борьба за равные права – реальность, а не страшный сон обозревателя *The Pittsburg Dispatch*. Но это не был единственный успех в ее журналистской карьере.

В 1898 году она объявляет, что хочет бросить вызов герою Жюль Верна и совершить кругосветное путешествие быстрее, чем за 80 дней. Блай отправляется в путь, пишет репортажи и возвращается (на восемь дней быстрее!) в своем знаменитом образе – клетчатое пальто, кожаный дамский саквояж – абсолютной звездой. 5 мая 2015 года Google посвящает ей дудл – маленькую анимированную картинку, которая каждый день меняется на главной странице поисковика и обычно посвящена какому-нибудь значимому историческому событию или персонажу. На дудле Нелли изображена как раз в этом клетчатом пальто и с саквояжем. Читатели с нетерпением ждут ее текстов, и каждый становится сенсацией – немногие из сегодняшних авторов могут похвастаться такой популярностью своих тревелогов.

Надо сказать, что и на этом ее карьера не заканчивается. После смерти мужа – а Блай была замужем за миллионером-фабрикантом тридцатью годами ее старше – она, не сумев сохранить наследство, берется за другие невероятные по тем временам журналистские задачи. Становится военным репортером, пишет материалы с фронтов Первой мировой войны, присоединяется к суфражистским маршам, становится гонзо-клиенткой брачного агентства. Где бы ни оказалась, она везде задает один и тот же вопрос: «Как же так?»

Именно этот вопрос и задают журналисты, которые сегодня становятся победителями Пулитцеровской премии. Именно его задавали Розенхан и Фуко. Он кажется таким простым и очевидным, но требует большой смелости.

Вот Блай, например, пишет из лечебницы Блэкуэлл: «Я лежала без сна, представляя себе, какая случилась бы трагедия, если бы в лечебнице вспыхнул пожар. Все двери были закрыты, каждая по отдельности, а окна забраны решетками, так что спасение было бы невозможно. Только в одном здании, как говорил мне, кажется, доктор Ингрэм, содержалось около трехсот женщин». На этом конкретном фрагменте книги любому современному журналисту (особенно

российскому) станет и вовсе не по себе от прозорливости Блай. Про пожары в психиатрических лечебницах и психоневрологических интернатах российская пресса пишет с удручающей регулярностью. В таких пожарах обычно гибнет не один десяток людей, а затем все объясняется какой-нибудь технической причиной вроде неисправной проводки. Но активисты, правозащитники и волонтеры давно знают, что к гибели людей приводит сама закрытость системы: решетки на окнах и дверях, отсутствие общественного контроля. Все то, что 150 лет назад подметила Блай.

Она, по сути, говорит: «Как же так? Как могло получиться, что больница, чья концепция в том, чтобы заботиться о жизни своих пациенток, напрочь не видит ценности в этой жизни?»

Такой очевидный вопрос приходит в голову очень немногим, а задать его вслух – начальству, обществу, врачам – решаются только самые отважные. Но именно эти вопросы приводят к переменам и реформам. Выход «Десяти дней в сумасшедшем доме» стал сенсацией, привел к улучшению финансирования и условий в больницах. Сам факт публикации этого и других репортажей исследовательницей привел к появлению в культуре образа женщины, занимающейся журналистикой, зарабатывающей ей на жизнь.

Остается только добавить, что этот образ Нелли начала создавать за 44 года до выхода эссе Вирджинии Вульф «Своя комната». Его центральная мысль в том, что кроме обычных сложностей, с которыми сталкиваются все писатели, писательницы вынуждены преодолевать еще и огромную силу, отторгающую, выталкивающую женщину из культурного и общественного поля. Женщине попросту негде писать, у женщин нет кабинетов, своих комнат, женщина должна вырвать свое место, свое право, свой голос у общества и мужчин, прежде чем сможет им воспользоваться.

«Что же уготовано для девушек? Для обычных девушек, у которых нет талантов, которые не красотки, не богачки», – пишет Блай в 1885 году. До доступности избирательного права для женщин в Америке остается 45 лет.

Вера Шенгелия, журналистка, директор по развитию фонда «Жизненный путь»

Десять дней в сумасшедшем доме

New York World, 1887

Введение

С тех пор как мой отчет о пребывании в лечебнице для душевнобольных на острове Блэкуэлл¹ был опубликован в *The World*, я получила сотни писем. Издание, в котором была помещена моя история, с тех пор давно разошлось, и я сдалась на уговоры опубликовать ее книжкой, чтобы удовлетворить запрос сотен читателей, по-прежнему спрашивающих экземпляры.

С великой радостью могу сообщить, что в результате моего посещения лечебницы и последовавших за ним разоблачений власти Нью-Йорка стали ежегодно выделять на заботу о душевнобольных на \$1000000 больше, чем когда-либо прежде. Таким образом, мне остается по крайней мере то утешение, что благодаря моей работе несчастные горемыки получают лучший уход.

¹ Небольшой остров на Ист-Ривер в Нью-Йорке, расположенный между Манхэттеном и Квинсом. В 1832 году здесь была построена тюрьма, в 1839-м – психиатрическая лечебница. В 1973 году он был переименован в остров Рузвельт. – *Здесь и далее, если не указано иное, примечания редактора.*

Глава I. Деликатное поручение

22 сентября [1887 года] редактор *The World* спросил меня, смогу ли я устроить свое заключение в одну из лечебниц для душевнобольных в Нью-Йорке, чтобы откровенно и без прикрас поведать о том, как обращаются там с пациентами, как эти места управляются и тому подобное. Полагаю ли я, что мне хватит мужества вынести суровые испытания, которых потребует подобное поручение? Сумею ли я симулировать душевную болезнь в такой мере, чтобы ввести в заблуждение докторов и провести неделю среди душевнобольных – и чтобы при этом руководство лечебницы не обнаружило, что я всего лишь «гаврик с блокнотом»? Я ответила, что мне это по силам. Веря в свои актерские способности, я решила, что смогу изображать безумие достаточно долго, чтобы исполнить любую вверенную мне миссию. Смогу ли я провести неделю в палате для душевнобольных на острове Блэкуэлл? Я сказала, что смогу и сделаю это. И я это сделала.

Моей задачей было просто работать обычным манером, как только я почувствую, что готова к этому. Мне предстояло вести добросовестную хронику всего пережитого, а оказавшись в стенах лечебницы – выяснить и описать ее внутренние порядки, всегда так надежно скрытые от взгляда широкой публики санитарками в белых чепцах, засовами и решетками.

– Мы не просим вас принести оттуда сенсационные разоблачения. Описывайте все так, как видите, – и хорошее, и дурное; воздавайте хвалу или возводите обвинения – как вам угодно, но неизменно придерживайтесь истины, – сказал редактор. – Меня, однако, смущает ваша неизменная улыбка.

– Больше я не буду улыбаться, – ответила я и отправилась восвояси, чтобы приступить к исполнению своей деликатной и, как я вскоре обнаружила, трудной миссии.

Особенных надежд, что мне удастся проникнуть в лечебницу, я не питала, но даже в случае успеха я совершенно не рассчитывала вынести оттуда что-либо, кроме безыскусного рассказа о жизни в ее стенах. Я даже не рассматривала возможности того, что подобное учреждение может дурно управляться, а в его стенах творятся такие жестокости. Мне всегда хотелось подробнее ознакомиться с жизнью в лечебнице, чтобы убедиться, что самые незащитные Божьи создания, душевнобольные, получают там надлежащий милосердный уход. Я слышала множество историй о злоупотреблениях в подобных учреждениях, но считала их небылицами или большими преувеличениями, и все же меня не оставляло подспудное желание знать наверняка.

Я содрогалась при мысли о безраздельной власти надзирателей над душевнобольными, о том, что любые слезные мольбы об освобождении могут оказаться тщетными, если такова будет воля надзирателей. Я с готовностью взялась расследовать, что происходит в стенах лечебницы для душевнобольных на острове Блэкуэлл.

– Но как вы меня вызволите, – спросила я редактора, – после того как я окажусь там?

– Этого я не знаю, – ответил он. – Но мы вас вызволим, даже если придется рассказать, кто вы и с какой целью прикинулись сумасшедшей, – только попадите внутрь.

Я не слишком верила в свою способность обмануть экспертов по душевным болезням, а мой редактор, полагаю, и того меньше.

Вся предварительная подготовка и планирование моего непростого предприятия были оставлены на мое усмотрение. Мы договорились только об одном, а именно что я буду действовать под именем Нелли Браун: таким образом, инициалы будут совпадать с моими собственными, вышитыми на моем белье, и не составит труда проследить мои перемещения и вызволить меня из любых затруднений или опасностей, которые могут меня поджидать. Способы попасть в палату психиатрической лечебницы существовали, но мне они не были известны. У меня было два пути. Я могла симулировать сумасшествие в доме друзей, после чего меня

препоручили бы заботам двух компетентных врачей, или же я могла достичь своей цели через постановление полицейского суда.

Поразмыслив, я сочла, что в интересах моего дела разумнее не навязываться друзьям и не обращаться к помощи благожелательных врачей. Помимо прочего, чтобы отправить меня на остров Блэкуэлл, моим друзьям пришлось бы выдать себя за бедняков, а мое знакомство с неимущими (не считая меня самой), к несчастью для моей цели, было исключительно поверхностным. Поэтому я остановилась на плане, который и привел к успешному выполнению моей миссии. Мне удалось добиться, чтобы меня поместили в лечебницу для душевнобольных на острове Блэкуэлл, где я провела десять дней и десять ночей и пережила опыт, которого никогда не забуду. Я решилась сыграть роль бедной, горемычной сумасшедшей девушки и сочла, что мой долг – не уклоняться ни от каких неприятных последствий этого выбора. На указанный отрезок времени я стала пациенткой городского заведения для душевнобольных, многое пережила, увидела и узнала способы лечения, применявшиеся к этой беззащитной группе населения, а когда я увидела и услышала достаточно – меня своевременно вызволили. Я покинула лечебницу с радостью и сожалением – радостью, потому что я снова могу дышать свободно, и сожалением, потому что я не смогла взять с собой некоторых из числа несчастных женщин, которые жили и страдали бок о бок со мной и которые, по моему убеждению, были ничуть не более сумасшедшими, чем была и остаюсь я сама.

Тут я должна заметить: с того момента, когда я оказалась на острове в лечебнице для душевнобольных, я не предпринимала никаких попыток придерживаться своей напускной роли. Я разговаривала и вела себя точно так же, как и в обычной жизни. И как ни странно, чем более здоровыми были мои слова и поступки, тем более сумасшедшей меня считали все, за исключением одного врача, чью доброту и ласковое обращение я не скоро забуду.

Глава II. Подготовка к тяжелому испытанию

Но вернемся к моей работе и моей миссии. Получив указания, я вернулась к себе в пансион и с наступлением вечера принялась репетировать роль, в которой мне предстояло дебютировать наутро. Что за трудная задача, думала я, предстать перед целой толпой людей и убедить их, что я безумна. За всю свою жизнь я никогда прежде не встречала сумасшедших и не имела ни малейшего представления о том, как они себя ведут. А меня ожидало обследование у нескольких высокоученых врачей, которые специализируются на душевных болезнях и сталкиваются с сумасшедшими ежедневно! Как я могла надеяться убедить этих докторов, что я умалишенная? Я боялась, что их невозможно ввести в заблуждение. Моя задача показалась мне безнадежной; однако ее нужно было выполнить. Я бросилась к зеркалу и принялась изучать свое лицо. Я припомнила все, что читала о поведении сумасшедших: прежде всего, они имеют обыкновение тарашиться. Поэтому я раскрыла глаза как можно шире и не мигая уставилась на свое отражение. Могу заверить, что это зрелище не внушало спокойствия даже мне самой, особенно глухой ночной порой. Я попыталась ярче разжечь газовый рожок в надежде, что свет прибавит мне храбрости. Преуспела я лишь отчасти, но утешилась мыслью, что через несколько ночей меня здесь не будет – я буду заперта в палате с толпой умалишенных.

Погода стояла относительно теплая, однако при мысли о том, что меня ждет, по спине у меня пробежал озноб, а пробивший меня совершенно издевательским образом холодный пот медленно, но верно уничтожал все усилия по завивке волос. Репетируя перед зеркалом и рисуя в воображении свою будущую жизнь умалишенной, я время от времени читала отрывки противоестественных и неправдоподобных историй о привидениях, так что ко времени, когда утренняя заря рассеяла ночной мрак, я чувствовала, что привела себя в подходящий настрой для моей миссии и, однако, достаточно голодна, чтобы с нетерпением ожидать завтрака. Я медленно и печально приняла утреннюю ванну и молчаливо попрощалась с драгоценнейшими из достижений современной цивилизации. Я с нежностью отложила в сторону зубную щетку, а намыливаясь в последний раз, пробормотала: «Может статься, мы расстаемся на много дней или даже дольше». Потом я облачилась в старую одежду, отобранную мной для такого случая. Все виделось мне в довольно черном свете. Ну что ж – пора бросить последний нежный взгляд, размышляла я, ведь кто знает – не повредят ли в самом деле непоправимо мой разум усилия, необходимое, чтобы притворяться сумасшедшей, и время, проведенное взаперти с толпой умалишенных. Однако мысль уклониться от задания не посетила меня ни разу. Я спокойно (по крайней мере внешне) пустилась в свое безумное предприятие.

Поначалу я думала, что лучше всего отправиться в какой-нибудь пансион и, сняв комнату, доверительно сказать хозяйке или хозяину (кто бы это ни оказался), что я ищу работу, а несколько дней спустя выказать явные признаки душевной болезни. По некотором размышлении я испугалась, что на воплощение этой идеи понадобится слишком много времени. Мне вдруг пришло в голову, что гораздо проще было бы отправиться в приют для женщин рабочего класса. Я знала, что стоит мне убедить полный дом женщин в своем сумасшествии – они не успокоятся, пока я не окажусь под замком подальше от них.

В адресной книге я выбрала временный приют для женщин по адресу Вторая авеню, 84. Идя по улице, я приняла решение, что с момента, когда я переступлю порог приюта, я сделаю все от меня зависящее, чтоб ускорить свой путь на остров Блэкуэлл – в лечебницу для душевнобольных.

Глава III. В приюте

Мне предстояло ступить на поприще душевнобольной девушки Нелли Браун. Дорогой я старалась напустить на себя вид, свойственный девицам с живописных полотен, которые обычно называются «Грезы». Мечтательный взгляд часто выглядит признаком безумия. Я миновала маленький мощный двор перед входом в приют, дернула дверной звонок, грянувший, словно церковный колокол, и стала нервно ждать ответа: по моему замыслу, эта дверь в скором времени должна была извергнуть меня вон на милость полиции. Дверь не замедлила распахнуться, и я увидела малорослую белобрысую девушку лет тринадцати.

– Здесь ли экономка? – спросила я еле слышно.

– Да, здесь; она занята. Ступайте в приемную, – ответила девушка громко, без малейшего выражения на странно взрослом лице.

Я последовала этим не слишком ласковым и не слишком вежливым указаниям и оказалась в темной неуютной приемной, где стала ждать появления хозяйки. Я просидела там по меньшей мере двадцать минут, когда вошла щуплая женщина в простом темном платье; она остановилась передо мной и вопросительно рявкнула:

– Ну?

– Вы экономка? – спросила я.

– Нет, – отвечала она. – Экономка больна; я ее помощница. Что вам угодно?

– Я хочу остановиться тут на несколько дней, если вы сможете меня принять.

– Ну, у меня нет одноместных комнат, у нас тут битком; но, если вы займете комнату с другой девушкой, это я смогу устроить.

– Буду очень рада, – ответила я. – Сколько вы берете?

При себе у меня было всего семьдесят центов, потому что, как я верно рассудила, чем скорее будут исчерпаны мои капиталы, тем скорее меня выставят вон, а именно этого-то я и добивалась.

– Мы берем тридцать центов за ночь, – был ответ, после чего я уплатила ей за постой на одну ночь и она оставила меня под предлогом других дел. Предоставленная самой себе, я стала развлекаться наблюдением над окружающей обстановкой.

Я покривила бы душой, если бы назвала ее жизнерадостной. В комнату едва проникал солнечный свет, а все ее убранство составляли платяной шкаф, стол, книжный шкаф, фисгармония и несколько стульев.

К тому времени, как я ознакомилась с новым жилищем, в подвале зазвонил колокольчик, не уступавший по громкости дверному, и женщины со всего дома одной огромной толпой хлынули вниз по лестнице. По всем признакам можно было заключить, что обед готов, но поскольку никто мне ничего не сказал, я не двинулась с места и не стала присоединяться к этой голодной процессии. И все же мне хотелось, чтобы кто-нибудь пригласил меня вниз. Нас всегда одолевают чувство одиночества и тоска по дому, когда мы знаем, что другие едят, а мы не имеем такой возможности, даже если не голодны. Я была рада, когда помощница экономки появилась и спросила меня, не хочу ли я что-нибудь съесть. Я ответила утвердительно и спросила, как ее зовут. «Миссис Стэнард», – ответила она, и я незамедлительно записала это имя в блокнот, который взяла с собой для заметок и в котором исписала несколько страниц несусветной галиматей для будущих любознательных естествоиспытателей.

Снаряженная таким образом, я стала ждать развития событий. Однако вернемся к обеду: вслед за миссис Стэнард я спустилась вниз по лестнице без ковра в подвал, где множество женщин уже принимали пищу. Она нашла для меня место за столом рядом с тремя другими женщинами. Стриженная служанка, которая прежде открыла мне дверь, теперь появилась в роли

подавальщицы. Подбоченившись и уставившись на меня так, что мне стало неудобно, она сказала:

– Вареная баранина, вареная говядина, фасоль, картошка, кофе или чай?

– Говядина, картошка, кофе и хлеб, – ответила я.

– Хлеб включен, – пояснила она, направилась в кухню вглубь помещения и вскоре вернулась с моим заказом на большом, выдавшем виды подносе, который с грохотом опустила передо мной. Я приступила к своей скромной трапезе. Она была не слишком привлекательна, поэтому, притворившись, что занята едой, я стала разглядывать окружающих.

Я и в прошлом нередко с осуждением говорила об отталкивающих формах, которые неизменно принимает благотворительность! Это был «дом для достойных женщин», однако назвать его так можно было разве в насмешку. Полы были голы, а маленькие деревянные столики не ведали таких достижений современного мира, как лак, полировка и скатерти. Излишне упоминать о том, как дешево столовое белье и какое влияние оно оказывает на цивилизацию. Однако честные работницы, достойнейшие из женщин, были вынуждены называть «домом» эту обитель наготы.

Когда обед был кончен, все женщины по очереди подошли к столу в углу, где сидела миссис Стэнард, и оплатили счет. Самобытная представительница рода человеческого – моя подавальщица – вручила мне потрепанную, отжившую свое красную квитанцию: счет составил примерно тридцать центов.

После обеда я пошла наверх и заняла свое прежнее место в задней приемной. Мне было довольно холодно и неудобно, и я окончательно убедилась, что не смогу выносить такую обстановку долго, а значит, чем скорее я заработаю очки как сумасшедшая, тем скорее буду избавлена от вынужденного безделья. О, этот день показался мне самым длинным в моей жизни! Я безучастно разглядывала женщин в передней приемной, где сидели все, кроме меня.

Одна из них непрерывно читала, почесывая голову, и время от времени, не поднимая глаз от книги, тихо звала: «Джорджи!» Этим Джорджи был ее чрезмерно резвый сын, производивший больше шума, чем любой другой ребенок, которого мне приходилось видеть. На все его грубейшие и невежливые выходки мать не возражала ни словом, пока на него не прикрикивал кто-нибудь еще. Другая женщина постоянно засыпала и пробуждалась от собственного храпа. Я была ужасно благодарна ей за то, что будила она только себя. Большинство женщин сидели без дела, но некоторые плели кружево или безостановочно вязали. Огромный дверной колокольчик неустанно звонил, и всякий раз стриженная девушка столь же неустанно бежала на его зов. Кроме прочего, она была из тех девушек, которые непрерывно напевают отрывки из всех песен и гимнов, сочиненных за последние полвека (мученичество существует и в наши дни!). Со звоном колокольчика появлялись всё новые люди, искавшие ночлега. Все они, за исключением одной сельской жительницы, приехавшей в город за покупками, были работницами, некоторые – с детьми.

Когда день стал клониться к вечеру, миссис Стэнард подошла ко мне и спросила:

– Что с вами? У вас горе или неприятности?

– Нет, – ответила я, почти ошарашенная таким предположением, – почему вы спрашиваете?

– О, я по лицу вашему вижу, – сказала она с состраданием. – Оно говорит о большом несчастье.

– Да, все так печально, – сказала я с заполошностью, которая должна была отражать мое безумие.

– Но вы не переживайте из-за этого. У всех у нас свои заботы, но со временем мы их преодолеваем. Какую работу вы ищете?

– Не знаю, все так печально, – ответила я.

– Хотели бы вы работать няней и носить хорошенький белый чепчик и передник? – спросила она.

Я поднесла к лицу платок, чтобы скрыть улыбку, и ответила приглушенным голосом:

– Я никогда не работала, я не умею.

– Вы должны научиться, – настаивала она. – Все эти женщины работают.

– В самом деле? – прошептала я возбужденно. – Они выглядят ужасно; мне кажется, они сумасшедшие. Я так их боюсь.

– Вид у них не слишком приглядный, – согласилась она, – но это хорошие, честные работницы. Сумасшедших мы тут не держим.

Мне снова пришлось воспользоваться носовым платком, чтобы скрыть улыбку при мысли о том, что еще до наступления утра она будет уверена: в ее паству затесалась по меньшей мере одна сумасшедшая.

– Они все выглядят как умалишенные, и я их боюсь, – заявила я снова. – Вокруг их так много – никогда не знаешь, чего от них ждать. А еще вокруг много убийств, и полиция никогда не может поймать убийц.

В заключение я издала всхлип, который потряс бы самых искушенных критиков. Она внезапно судорожно вздрогнула, и я поняла, что мой первый выстрел попал в цель. Она с замечательной поспешностью вскочила со стула и торопливо прошептала: «Я поговорю с вами позже». Я знала, что она не вернется, так оно и вышло.

Когда позвонили к ужину, я отправилась вместе со всеми в подвал и поделила с ними вечернюю трапезу, отличавшуюся от обеда только тем, что счет был меньше, а людей – больше, потому что возвратились женщины, днем работавшие в городе. После ужина мы все перешли в общие комнаты, где нашли себе место сидя или стоя, поскольку стульев не хватало на всех.

Там я провела вечер в ужасном одиночестве: свет, падавший в приемную от единственного газового рожка, а в вестибюль – от масляной лампы, придавал нам всем землистый оттенок, окрашивая наши лица синевой. Я почувствовала, что в такой атмосфере я в самом деле вскоре стану подходящей кандидаткой в заведение, куда я стремлюсь попасть.

Я выбрала в толпе двух, как мне показалось, наиболее дружелюбных женщин и назначила их орудиями моего спасения – или, точнее говоря, моего осуждения и приговора. Извинившись и сказав, что мне одиноко, я попросила позволения присоединиться к их беседе. Они любезно согласились, поэтому я уселась прямо в шляпе и перчатках (которые мне никто не предложил снять) и стала слушать довольно утомительный разговор, в котором я не принимала участия, лишь с неизменно грустным видом отвечая на их замечания «да», «нет» или «не знаю». Несколько раз я сказала им, что все постоялицы кажутся мне сумасшедшими, но они не спешили принять к сведению мое оригинальное наблюдение. Одна из них сказала, что ее зовут миссис Кинг и что она южанка. Затем она сказала, что у меня южный выговор, и прямо спросила, действительно ли я с Юга. Я ответила: «Да». Другая женщина заговорила о бостонских пароходах и спросила меня, знаю ли я, когда они отходят.

На мгновение я забыла о своей мнимой душевной болезни и сообщила ей точное время отправления пароходов. Потом она спросила меня, кем я собираюсь работать и работала ли прежде вообще. Я заметила, как это печально, что стольким людям в мире приходится работать. Она ответила, что ей в жизни не повезло и пришлось приехать в Нью-Йорк, где она некоторое время правила гранки медицинского словаря, но пошатнувшееся здоровье не позволяет ей больше справляться с этой задачей, и теперь она возвращается в Бостон. Когда служанка предложила нам отойти ко сну, я сказала, что мне страшно, и снова выразила уверенность в том, что все женщины в приюте – сумасшедшие. Служанка настояла, чтобы я отправилась в постель. Я спросила, нельзя ли мне посидеть на лестнице, но она решительно ответила: «Нет, все в доме подумают, что вы сумасшедшая». Наконец я позволила отвести меня в комнату.

Здесь я должна представить вам новое действующее лицо в моем повествовании. Это та самая женщина, которая прежде работала корректором, а теперь возвращалась в Бостон. Звали ее миссис Кейн, и ее храбрость не уступала ее доброте. Она пришла ко мне в комнату, села и долго разговаривала со мной, ласково распуская мне волосы. Она пыталась уговорить меня раздеться и лечь в постель, но я упорно отказывалась это делать. Несколько обитательниц приюта столпились вокруг нас. Они по-разному выражали свою озабоченность.

– Бедная помешанная! – говорили они.

– Ну, она точно не в себе!

– Я боюсь оставаться под одной крышей с этой умалишенной.

– Она зарежет нас всех в постелях.

Одна женщина хотела послать за полицией, чтобы меня немедленно забрали. Все они были в неподдельном ужасе.

Никто не хотел нести за меня ответственность, а женщина, делившая со мной комнату, объявила, что не станет ночевать с «этой умалишенной» за все деньги Вандербильтов². И тогда миссис Кейн сказала, что останется со мной. Я сказала, что была бы этому рада. Поэтому ее оставили со мной. Она не стала раздеваться, но легла на кровать, зорко следя за моими движениями. Она попыталась убедить меня лечь, но я боялась последовать ее совету: я знала, что стоит мне прилечь, я засну мирно и крепко, как младенец. На жаргоне бы сказали, что я неизбежно должна была «спалиться». Поэтому я упрямо села на край кровати, бессмысленно уставившись в пустоту. Моя бедная соседка пребывала в состоянии самом безотрадном. Каждые несколько минут она приподнималась, чтобы поглядеть на меня. Она сказала, что мои глаза ужасно сверкают, а затем стала расспрашивать, где я жила прежде, давно ли в Нью-Йорке, чем я занимаюсь и так далее. На все ее расспросы я отвечала только одно: я все забыла, и с тех пор, как у меня заболела голова, я не могу ничего вспомнить.

Бедняжка! Как жестоко я ее мучила и какое доброе было у нее сердце! Как я мучила их всех – одна из них видела меня в кошмарном сне! На второй час я сама испугалась женского крика из соседней комнаты. Я начала воображать, что в самом деле нахожусь в лечебнице для умалишенных.

Миссис Кейн проснулась и стала испуганно озираться и прислушиваться. Затем она отправилась в соседнюю комнату, и я услышала, как она расспрашивает другую женщину. Вернувшись, она сказала мне, что той женщине приснился кошмар. Ей снилась я. По ее словам, ей привиделось, что я бросаюсь на нее с ножом и хочу зарезать. Пытаясь спастись от меня, она, к счастью, смогла закричать, тем самым пробудившись от кошмара. Затем миссис Кейн вернулась в постель, немало встревоженная, но очень сонная.

Я и сама очень устала, но ради работы должна была собраться с силами и преисполнилась решимости бодрствовать всю ночь, продолжая играть свою роль, чтобы утром пожинать заслуженный успех. Пробило полночь. До рассвета мне оставалось продержаться еще шесть часов. Время текло томительно медленно. Минуты казались часами. В доме и на улице не раздавалось ни звука.

Боясь, что сон овладеет мной, я начала перебирать в памяти всю свою жизнь. Как странна она мне показалась! Любое событие, пусть оно кажется весьма значительным, – всего лишь очередное звено в цепи, приковывающей нас к судьбе, которую нам не дано изменить. Я начала с самого начала и снова пережила историю своей жизни. Воспоминание о старых друзьях вызвало приятное волнение; прежние враги, бывшие сердечные горести и радости воскресли в моей памяти. Перевернутые страницы моей жизни распахнулись вновь, прошлое стало настоящим.

² Одна из богатейших семей США, основы состояния которой заложил транспортный магнат Корнелиус Вандербильт (1794–1877).

Покончив с этим, я храбро обратилась мыслями к будущему, сперва гадая, что принесет мне завтрашний день, а затем строя планы по воплощению моего замысла. Я размышляла, сумею ли я перебраться через реку, чтобы исполнить свое причудливое намерение – стать заключенной в палатах, населенных моими умалишенными сестрами. А когда я там окажусь – что мне доведется пережить? А после? Как я выберусь на волю? Вздор! Я сказала себе, что меня вызволят.

Это была важнейшая ночь всей моей жизни. На несколько часов я лицом к лицу столкнулась с собственным «я»!

Я поглядела в окно и с радостью увидела первые отблески утренней зари. Светало, брезжил серый день, но по-прежнему было удивительно тихо. Моя соседка спала. Мне нужно было скоротать еще час или два. К счастью, я нашла приложение своей умственной деятельности. Как известно, Роберт Брюс³ в изгнании поверил в свое будущее и приятно (насколько позволяли обстоятельства) провел время, наблюдая, как паук плетет паутину. Паразит, заинтересовавший меня, был не так благороден, и, однако, я полагаю, что сделала несколько ценных естественнонаучных открытий. Я уже чуть было не прикорнула против своей воли, когда дремоту отогнал неожиданный испуг: мне показалось, что я слышу, как что-то ползет по стеганому покрывалу и падает с почти неразличимым глухим стуком.

Я имела возможность обстоятельно изучить этих любопытных существ. Они, очевидно, явились к завтраку и были немало разочарованы, не обнаружив главного блюда. Они семенили вверх-вниз по подушке, сбивались в кучки, будто вели между собой занимательную беседу, и все их поведение выдавало замешательство от отсутствия лакомого завтрака. После продолжительного совещания они наконец исчезли, отправившись на поиски другой жертвы, и мне оставалось только коротать бесконечно тянувшееся время за наблюдением над тараканами, чьи размеры и прыть меня весьма удивили.

Моя соседка давно уже спала крепким сном, но теперь она проснулась и выказала удивление, увидев, что я по-прежнему бодрствую и, по видимости, преисполнена энергии. Она, как и прежде, отнеслась ко мне с сочувствием. Подошла ко мне, взяла меня за руки, попыталась утешить, как могла, и спросила, не хочу ли я вернуться домой. Она оставалась со мной наверху до тех пор, пока почти все остальные не покинули приют, а затем отвела в подвал за кофе с булочкой. Молча проглотив завтрак, я вернулась к себе в комнату, где уселась с безучастным видом. Миссис Кейн тревожилась все сильнее.

– Что же делать? – восклицала она снова и снова. – Где ваши друзья?

– Нет, – отвечала я, – у меня нет друзей, но у меня есть чемоданы. Где они? Они нужны мне.

Добрая женщина пыталась успокоить меня, говоря, что чемоданы со временем найдутся. Она была уверена, что я не в своем уме.

Но я ее прощаю. Только попав в беду, мы понимаем, как мало в мире доброты и милосердия. В приюте все женщины, которые меня не боялись, хотели поразвлечься за мой счет и приставали ко мне с расспросами и замечаниями, которые были бы жестоки и бесчеловечны, будь я в самом деле сумасшедшей. Из всей толпы только одна милая и деликатная миссис Кейн проявила подлинное сострадание. Она запретила остальным дразнить меня и заняла кровать женщины, которая отказалась спать рядом со мной. Она не согласилась с предложением оставить меня в одиночестве и запереть на ночь, чтобы я не причинила никому вреда. Она насто-

³ Роберт I Брюс (1274–1329) – король Шотландии (1306–1329), талантливый военачальник, добившийся ее независимости от Англии, основатель королевской династии Брюсов. Блай ссылается на легенду, согласно которой потерпевший поражение в битве с англичанами Брюс сбежал на остров Рэтлин, где проводил время в хижине – чтобы развлечься, он стал наблюдать за пауком, пытающимся перебраться с одной балки на другую: шесть раз у того ничего не выходило. Брюс вспомнил, что он тоже проиграл англичанам шесть битв, и загадал, что если у паука получится – то и он продолжит борьбу за независимость страны. Паук перебрался, а Брюс с тех пор никогда не терпел поражений.

яла на том, чтобы остаться со мной и оказать мне помощь, если понадобится. Она пригладила мне волосы и умыла лицо – ласково, как мать, успокаивающая больного ребенка. Она всеми способами пыталась убедить меня лечь в постель и отдохнуть, а когда наступило утро, она встала и накинула на меня одеяло, беспокоясь, что я замерзла; потом поцеловала меня в лоб и сочувственно прошептала: «Бедная детка, бедная детка!»

Я восхищаюсь храбростью и добротой этой маленькой женщины. Мне мучительно хотелось успокоить ее и шепнуть, что я не сумасшедшая. И сказать ей, как сильно я надеюсь, что, если какая-нибудь бедная девушка в самом деле попадет в беду, которую я только разыгрываю, ей встретится человек, наделенный добротой и состраданием в той же мере, что миссис Рут Кейн.

Глава IV. Судья Даффи и полиция

Но вернемся к моей истории. Я прилежно играла свою роль до самого появления помощницы экономки, миссис Стэнард. Она пыталась убедить меня сохранять спокойствие. Было очевидно, что ей не терпится выставить меня из дому как можно скорее и без лишнего шума. Это не входило в мои намерения: я отказалась двигаться с места, по-прежнему твердя о потерянных чемоданах. Наконец кто-то предложил вызвать полицию. Через некоторое время миссис Стэнард надела шляпку и вышла. Так я поняла, что сделала шаг по направлению к сумасшедшему дому. Вскоре она возвратилась в сопровождении двух полицейских – крупных, сильных мужчин, которые зашли в комнату без особых церемоний, очевидно, ожидая встретить там буйнопомешанную. Одного из них звали Том Бокерт.

Когда они вошли, я притворилась, что не замечаю их. «Я хочу, чтобы вы увели ее тихо-мирно», – сказала миссис Стэнард. «Если она не пойдет тихо-мирно, – ответил один из мужчин, – я потащу ее по улицам». Я по-прежнему не обращала на них внимания, но, разумеется, желала избежать скандала на улице. К счастью, миссис Кейн пришла мне на помощь. Она рассказала полицейским, что я возмущалась пропажей чемоданов, и они вместе составили план, как заставить меня пойти с ними спокойно: мне сообщили, что полицейские идут искать пропавшее имущество вместе со мной. Они спросили, пойду ли я с ними. Я ответила, что боюсь идти одна. Тогда миссис Стэнард сказала, что отправится со мной, и убедила полицейских следовать за нами на почтительном расстоянии. Она завязала на мне вуаль, мы покинули приют через подвал и пустились в путь по городу, причем полицейские шли за нами на некотором расстоянии. Мы шли очень мирно и наконец прибыли в полицейский участок, где добрая женщина заверила меня, что это почтовое отделение и что здесь мы, несомненно, найдем мои потерянные пожитки. Я вошла туда, дрожа от страха, – у меня были на то основания.

Несколькими днями ранее я познакомилась с капитаном Маккаллахом на собрании в колледже Купер-Юнион, где я запросила у него определенные сведения, которые он мне и предоставил. Если он окажется в участке, то наверняка узнает меня, и тогда все будет потеряно: на остров мне не попасть. Я как можно ниже опустила свою соломенную шляпу на лицо и приготовилась к тяжелому испытанию. Как и следовало ожидать, бравый капитан Маккаллах стоял у стола собственной персоной.

Он пристально смотрел на меня, пока офицер за столом вполголоса переговаривался с миссис Стэнард и сопровождавшими меня полицейскими.

– Вы Нелли Браун? – спросил офицер.

Я ответила, что, полагаю, так оно и есть.

– Откуда вы прибыли? – спросил он, и я ответила, что не знаю, вслед за чем миссис Стэнард сообщила ему множество сведений обо мне: рассказала, как странно я себя вела у нее в приюте; что я всю ночь не сомкнула глаз и что, по ее мнению, я – бедная горемыка, повредившаяся умом из-за бесчеловечного обращения. После некоторого обсуждения между миссис Стэнард и двумя офицерами Тому Бокерту было велено отвезти нас в суд в карете.

– Идите за мной, – сказал Бокерт, – я разыщу ваш чемодан.

Мы отправились все вместе: я, миссис Стэнард и Том Бокерт. Я сказала, что с их стороны очень мило пойти со мной и я не забуду их доброты. По дороге я продолжала твердить о чемоданах, время от времени вставляя замечания о скверном состоянии улиц и странном виде прохожих.

– Я, кажется, никогда не видела таких людей, – сказала я. – Кто они такие? – и мои спутники посмотрели на меня с жалостью, очевидно, полагая, что я иностранка, эмигрантка или что-то в этом роде. Они сказали мне, что вокруг нас трудовой люд. Я снова заметила, что, по моему мнению, в мире слишком много рабочих для того количества работы, которую нужно

исполнять; при этом замечании полицейский П. Т. Бокерт пристально посмотрел на меня, явно решив, что я окончательно лишилась рассудка. Мы миновали нескольких полицейских, которые спрашивали моих бравых стражей, что со мной приключилось. К этому времени за нами уже следовала стайка оборванных детей, отпускавших в мой адрес оригинальные и забавные замечания:

- Что она натворила?
- Эй, легавый, где ты ее взял?
- Куда ты ее тащишь?
- А она милаха!

Бедная миссис Стэнард была испугана сильнее меня. Положение становилось все интереснее, однако я по-прежнему опасалась предстоящей встречи с судьей.

Наконец мы прибыли к низкому зданию, и Том Бокерт любезно решил сообщить мне:

- Это почтовое отделение. Скоро мы найдем ваши чемоданы.

Вход в здание окружала толпа зевак, и я решила, что мое положение еще недостаточно скверно, чтобы позволить себе миновать их без замечания, так что я спросила, верно ли, что все эти люди потеряли свои чемоданы.

- Да, – ответил он, – почти все эти люди ищут свои чемоданы.

Я сказала:

- Похоже, все они иностранцы, как и я.

– Да, – сказал Том, – они все иностранцы и только ступили на берег. Они все потеряли чемоданы, и у нас уходит куча времени на их розыски.

Мы вошли в зал заседаний: это был полицейский суд Эссекс Маркет. Наконец-то вопрос о моем душевном здоровье или сумасшествии должен был разрешиться. Судья Даффи сидел за высоким столом, и лицо его с виду источало безграничную доброту. Видя это выражение доброты во всех его чертах, я испугалась, что избежну желанной мне судьбы, и с замиранием сердца последовала за миссис Стэнард, когда прозвучало требование приблизиться к столу, где Том Бокерт заканчивал отчет о моем деле.

- Подойдите, – сказал офицер. – Как вас зовут?

– Нелли Браун, – ответила я с легким акцентом. – Я потеряла чемоданы и была бы благодарна, если бы вы их разыскали.

- Когда вы прибыли в Нью-Йорк? – спросил он.

– Я не прибыла в Нью-Йорк, – ответила я, мысленно добавив: «Потому что я живу здесь уже довольно давно».

- Но вы сейчас в Нью-Йорке, – сказал мужчина.

– Нет, – сказала я, глядя на него с недоверием, с каким, согласно моим представлениям, могла бы глядеть умалишенная. – Я не приезжала в Нью-Йорк.

– Эта девушка с Запада, – сказал он тоном, который поверг меня в трепет. – У нее западный выговор.

Кто-то из присутствующих, слышавших этот краткий диалог, заверил, что он жил на Юге и что выговор у меня южный, а другой офицер был уверен, что я с востока. Я испытала большое облегчение, когда первый офицер обернулся к судье и сказал:

– Судья, у нас тут особый случай: эта молодая женщина не знает, кто она и откуда. Вам бы лучше рассмотреть это дело не откладывая.

Я задрожала – отнюдь не от холода – и оглядела окружавшую меня толпу плохо одетых мужчин и женщин, на чьих лицах лежал отпечаток тяжелой жизни, скверного обращения и бедности. Некоторые из них взволнованно совещались с друзьями, другие сидели молча, с выражением полной безысходности на лицах. Между ними повсюду мелькали хорошо одетые, упитанные полицейские, наблюдавшие эту сцену бездеятельно и почти безучастно. Для них

это было обыденностью: еще одна несчастная пополнила длинный перечень, давным-давно переставший вызывать у них интерес или участие.

– Поди сюда, девочка, и подними вуаль, – позвал, к моему удивлению, судья Даффи суровым голосом, которого я не предполагала в человеке с таким добрым лицом.

– К кому вы обращаетесь? – осведомилась я со всем достоинством, на какое была способна.

– Подойдите, моя дорогая, и поднимите вуаль. Даже английской королеве пришлось бы поднять вуаль, окажись она здесь, – сказал он очень ласково.

– Так-то лучше, – ответила я. – Я не английская королева, но вуаль подниму.

Когда я это сделала, маленький судья взглянул на меня, а затем спросил очень добрым и ласковым голосом:

– Дорогое дитя, что с вами случилось?

– Ничего, я просто потеряла свои чемоданы, и этот человек, – я указала на полицейского Бокерта, – обещал отвести меня туда, где их смогут разыскать.

– Что вам известно об этой девочке? – строго спросил судья бледную и дрожащую миссис Стэнард, стоявшую рядом со мной.

– Ничего, кроме того, что она пришла в дом вчера и попросилась переночевать.

– Дом! Что вы подразумеваете под домом? – быстро спросил судья Даффи.

– Это временный дом для работающих женщин на Второй авеню, номер 84.

– Какова ваша должность там?

– Я помощница экономки.

– Хорошо, расскажите все, что вы знаете об этом деле.

– Вчера, вернувшись в приют, я увидела, как она идет по улице. Она была одна-одинешенька. Только я вошла в дом, как зазвенел дверной звонок и вошла она. Она спросила меня, можно ли ей остаться на ночь, и я сказала, что можно. Вскоре она сказала, что все люди в доме выглядят сумасшедшими и внушают ей страх. Потом она отказалась ложиться в постель и просидела всю ночь.

– У нее были деньги?

– Да, – ответила я за нее, – я заплатила за все, а такой скверной еды я никогда не пробовала.

Эта реплика вызвала в публике смешки и приглушенные голоса: «Сумасшедшая-то сумасшедшая, а губа не дура!»

– Бедное дитя, – сказал судья Даффи. – Она хорошо одета, и она леди. Ее английский безупречен, и я готов поручиться, что она хорошая девушка. Она несомненно чья-то детка.

Это заявление вызвало общий хохот, и я поторопилась прижать к лицу платок, чтобы заглушить невольный смех, грозивший разрушить все мои планы.

– Я хотел сказать, что она детка какой-нибудь женщины, – торопливо поправился судья. – Я уверен, что кто-то ее ищет. Бедная девочка, я позабочусь о ней, потому что она напоминает мне мою покойную сестру.

После этого заявления на минуту наступила тишина, офицеры взглянули на меня приветливее, я же мысленно благословила добросердечного судью и надеялась, что любое бедное создание, пораженное недугом, который я только разыгрывала, столкнется с таким добрым человеком, как судья Даффи.

– Как жаль, что здесь нет репортеров, – сказал он наконец. – Они сумели бы что-нибудь о ней разузнать.

Это замечание привело меня в ужас, потому что если кто и способен разрешить загадку, то именно репортер. Я почувствовала, что предпочла бы лучше иметь дело с кучей ученых докторов, полицейских и детективов, чем с парой смысленных собратьев по ремеслу, поэтому сказала:

– Я не понимаю зачем: мне просто нужна помощь, чтобы найти мои чемоданы. Эти люди – нахалы, я не хочу, чтобы они меня разглядывали. Я уйду, я не хочу здесь оставаться.

С этими словами я опустила вуаль, втайне надеясь, что репортеров будут держать от меня подальше, пока меня не отправят в лечебницу.

– Я не знаю, что делать с бедной девочкой, – сказал озабоченный судья. – О ней нужно позаботиться.

– Отошлите ее на остров, – предложил один из офицеров.

– О, не надо! – сказала миссис Стэнард с заметным испугом. – Не надо! Она леди, если отправить ее на остров, она этого не переживет.

На сей раз мне захотелось встряхнуть добрую женщину. Подумать только: именно на остров я и стремлюсь попасть, а она пытается меня туда не пустить! С ее стороны это было проявлением доброты, но досадным, с учетом обстоятельств.

– Тут точно что-то нечисто, – сказал судья. – Я уверен, что бедную девочку чем-то опоили и привезли в город. Оформите бумаги, мы отправим ее на обследование в Бельвью⁴. Возможно, через несколько дней действие снадобья выветрится и она сможет поведать нам невероятную историю. Если бы только тут были репортеры!

Репортеры наводили на меня ужас, поэтому я сказала что-то в том духе, что не хочу больше здесь оставаться, чтобы на меня таращили глаза. Тогда судья Даффи велел полицейскому Бокерту увести меня в кабинет. Когда мы расположились там, появился судья Даффи, спросивший меня, не с Кубы ли я родом.

– Да, – ответила я с улыбкой. – Откуда вы знаете?

– О, я сразу понял, моя дорогая. А теперь скажите: где именно вы жили? В какой части Кубы?

– На гасиенде⁵, – ответила я.

– А, – сказал судья, – на ферме. Вы помните Гавану?

– Sí, señor, – ответила я. – Я живу неподалеку, откуда вы знаете?

– О, я все знаю. А теперь скажите, пожалуйста, как называется ваш дом? – допытывался он.

– Я забыла, – ответила я печально. – У меня все время болит голова, и поэтому я все забываю. Я не хочу, чтобы ко мне приставали. Все задают мне вопросы, и от них голова болит еще сильнее.

Последнее было правдой.

– Хорошо, больше вас никто не потревожит. Посидите здесь и отдохните, – на этом добродушный судья покинул меня, оставив на попечение миссис Стэнард.

Именно в этот момент вошел офицер, ведя с собой репортера. Я была в ужасе при мысли, что он узнает во мне журналистку, поэтому отвернулась и сказала:

– Я не хочу видеть репортеров; я не буду с ними говорить; судья велел меня не беспокоить.

– Ну, это, во всяком случае, вполне здраво, – сказал человек, который привел репортера, и они вышли из комнаты.

Меня снова охватил страх: не зашла ли я слишком далеко в своем нежелании говорить с репортером, выдав тем самым, что я в здравом уме? Если я создала впечатление, что вменяема, я была полна решимости его разрушить, поэтому подскочила и принялась бегать взад-вперед по кабинету. Миссис Стэнард в ужасе цеплялась за мой локоть.

⁴ Старейший государственный госпиталь в США, расположенный на юге Манхэттена (небольшая общественная больница существовала здесь с 1730-х годов).

⁵ Гасиенда (или асьенда, *исп.* hacienda) – крупное частное поместье в Испании и странах Латинской Америки.

– Я здесь не останусь, мне нужны мои чемоданы! Почему все эти люди ко мне пристают? – так я продолжала до самого появления врача скорой помощи, который появился в сопровождении судьи.

Глава V. Официально сумасшедшая

– Это бедняжка, которую опоили, – объяснил судья. – Она похожа на мою сестру, и всякому видно, что она хорошая девушка. Меня волнует ее судьба, и я готов сделать для нее все, что сделал бы для собственной дочери. Прошу вас, будьте добры к ней, – сказал он врачу скорой помощи.

Затем, обратившись к миссис Стэнард, он спросил ее, не сможет ли она поддержать меня у себя несколько дней, пока мое дело расследуется. К счастью, она отказалась, объяснив, что все женщины в доме боятся меня и съедут, если я там останусь. Я очень боялась, что она может приютить меня, если получит гарантию оплаты, поэтому я сказала что-то о скверной стряпне и что я не намерена возвращаться в приют. Затем началось обследование: доктор выглядел умным, и я нимало не надеялась ввести его в заблуждение, но была полна решимости продолжать спектакль.

– Высуньте язык, – приказал он кратко.

Я мысленно хихикнула при мысли об этом.

– Высовывайте язык, когда я вам говорю, – сказал он.

– Не хочу, – ответила я вполне чистосердечно.

– Но вы должны. Вы больны, а я врач.

– Я не больна и никогда не болела. Мне просто нужны мои чемоданы.

Однако я высунула язык, который он рассмотрел с глубокомысленным видом. Затем он пощупал мой пульс и послушал сердцебиение. У меня не было ни малейшего представления о том, как бьется сердце у душевнобольных, поэтому я задержала дыхание на все то время, что он меня слушал, а когда он закончил, мне пришлось глубоко вздохнуть, чтобы его восстановить. Потом он проверил, как мои зрачки реагируют на свет. Держа руку в полудюйме от моего лица, он велел мне смотреть на нее, а потом, поспешно отдернув, изучил мои глаза. Я растерялась, не зная, как безумие отражается в глазах, и подумала, что в этих обстоятельствах лучше всего таращиться. Так я и поступила. Я не мигая уставилась на его руку, а когда он ее убрал, приложила все усилия, чтобы не моргнуть.

– Какие средства вы принимали? – спросил он меня.

– Средства! – повторила я изумленно. – Я не знаю, что за средства вы имеете в виду.

– Ее зрачки были расширены с самого начала, как она появилась в доме. Ни разу не менялись, – объяснила миссис Стэнард. Я гадала, откуда ей может быть известно, менялись ли мои зрачки или нет, но я промолчала.

– Думаю, она принимала белладонну, – сказал доктор, и впервые в жизни я порадовалась, что немного близорука, чем, несомненно, объяснялись расширенные зрачки. Я решила, что могу говорить правду, если это не вредит делу, так что я сказала ему, что я близорука, что я ничуть не больна, никогда не хворала, и что никто не имеет права меня удерживать, когда я хочу найти свои чемоданы, и что я хочу вернуться домой. Он записал множество наблюдений в длинной узкой книжечке, а затем сказал, что собирается отвезти меня домой. Судья велел ему забрать меня, обращаться со мной хорошо и сказать людям в больнице, чтобы они обращались со мной хорошо и сделали для меня все возможное. Будь у нас больше таких людей, как судья Даффи, жизнь несчастных, обделенных судьбой, не была бы так беспросветна.

Я начинала все больше верить в свои способности, поскольку уже судья, врач и множество людей объявили меня душевнобольной, и с радостью опустила вуаль, услышав, что сейчас меня отведут в карету и я смогу отправиться домой. «Я так рада ехать с вами!» – сказала я, не кривя душой. Я в самом деле была очень рада. И снова в сопровождении полицейского Бокерта я миновала маленький зал заседаний, заполненный людьми. Весьма гордая собой, я через боковую дверь вышла в проулок, где ждала карета скорой помощи. У запертых зареше-

ченных ворот в небольшой конторе были несколько человек и толстые книги. Мы все вошли туда, и когда мне начали задавать вопросы, доктор вмешался, сказав, что все бумаги у него и что бессмысленно расспрашивать меня далее, поскольку я не способна отвечать на вопросы. Я испытала большое облегчение – мои нервы и без того были напряжены до предела. Человек грубого вида хотел было усадить меня в карету, но я отказалась от его помощи так решительно, что врач и полицейский велели ему перестать и исполнили эту галантную обязанность сами. Я села в карету не без протеста. Я заметила, что никогда не видела кареты подобной конструкции и не хочу в ней ехать, но в конце концов позволила им уговорить себя, как и намеревалась с самого начала.

Никогда не забуду той поездки. Когда я уселась на скамью, застеленную желтым одеялом, доктор вошел вслед за мной и сел у двери. Широкие ворота распахнулись, и толпа зевак, столпившихся за ними, подалась назад, чтобы дать дорогу карете скорой помощи. Как они старались хоть одним глазком взглянуть на сумасшедшую (как они думали) девушку! Врач заметил, что мне не нравится, когда на меня глазают, и предусмотрительно опустил шторы, осведомившись, хочу ли я этого. Но и это не помогло избавиться от любопытных. Дети бежали за нами, выкрикивая самые разнообразные жаргонные выражения и пытаясь подглядеть за шторы. Поездка была довольно занимательной, но, должна признать, убийственно ухабистой. Я держалась, хотя держаться там было особенно не за что, а кучер погонял так, будто боялся погони.

Глава VI. В больнице Бельвю

Наконец мы прибыли в Бельвю, мой третий перевалочный пункт по дороге на остров. Я успешно справилась с нелегкими испытаниями в доме и в полицейском суде Эссекс Маркет и была уверена, что и здесь не потерплю неудачи. Карета резко и внезапно остановилась, и доктор выскочил.

– Сколько у вас там? – осведомился кто-то.

– Только одна, в корпус, – был ответ.

Человек грубого вида приблизился и попытался вытащить меня наружу, вцепившись в меня так, будто я была сильна как слон и оказывала сопротивление. Врач, видя выражение отвращения на моем лице, приказал ему оставить меня в покое, сказав, что займется мной сам. Затем он осторожно вывел меня наружу, и я с царственной грацией проследовала сквозь толпу зевак, собравшихся поглазеть на очередную горемыку. Вместе с доктором я вошла в маленькую темную контору, где находились несколько человек. Один из них, сидевший за столом, раскрыл книгу и приступил к длинной череде вопросов, которые мне задавали так часто.

Я отказалась отвечать, и врач сказал ему, что нет необходимости больше меня беспокоить, поскольку все бумаги уже выправлены, а я слишком безумна и не способна сказать ничего вразумительного. Я испытала облегчение, что здесь все так просто, потому что хотя дух мой был несокрушим, но голова начинала кружиться от голода. Затем прозвучало распоряжение отвести меня в палату для душевнобольных, и мускулистый человек, выступив вперед, так крепко схватил меня под руку, что меня пронзила боль. Рассердившись, я на мгновение вышла из роли, повернувшись к нему и сказала:

– Как вы смеете ко мне прикасаться?

При этом он немного ослабил хватку, и я оттолкнула его с силой, которой не могла в себе предположить.

– Я не пойду ни с кем, кроме этого человека, – сказала я, указывая на врача скорой помощи. – Судья сказал, что он обо мне позаботится, и ни с кем другим я не пойду.

На это врач сказал, что он меня проводит, и мы под руку отправились вслед за человеком, который так грубо со мной обошелся. Мы миновали ухоженный двор и наконец прибыли в палату для душевнобольных. Там меня приняла санитарка в белом чепце.

– Эта девушка подождет здесь отправления своего судна, – сказал врач и направился восвояси. Я умоляла его не уходить или взять меня с собой, но он ответил, что хочет сперва пообедать, и я должна подождать его там. Когда я изъявила настойчивое желание его сопровождать, он заявил, что должен ассистировать при ампутации и мне не годится при этом присутствовать. Он явно был уверен, что имеет дело с душевнобольной. Именно в ту минуту ужасные безумные крики раздались с заднего двора. Несмотря на всю мою храбрость, мороз пробежал у меня по коже при мысли, что меня посадят под замок вместе с ближними, действительно лишившимися рассудка. Доктор, очевидно, заметил мою нервозность, поскольку сказал санитарке:

– Какой шум подняли плотники.

Обернувшись ко мне, он объяснил, что рядом возводят новые здания, а шумят рабочие, занятые на стройке. Я сказала ему, что не хочу оставаться тут без него, и, чтобы меня успокоить, он обещал вскоре вернуться. Он ушел, и я наконец-то стала обитательницей лечебницы для душевнобольных.

Стоя у двери, я разглядывала открывшееся мне зрелище. Длинное помещение без ковра было отмыто до той особой белизны, которую можно найти только в казенных учреждениях. В задней части помещения виднелись широкие железные двери, запертые на висячий замок. Несколько неподъемных с виду скамей и плетеных стульев составляли всю обстановку. По

обеим сторонам коридора шли двери, ведущие, по моему верному предположению, в спальни. У входной двери по правую руку располагалась маленькая гостиная для санитарок, а напротив нее – комната, где распределяли пищу. Надзирала за коридором санитарка в черном платье, белом чепце и белом переднике, вооруженная связкой ключей. Вскоре я узнала ее имя – мисс Болл.

Единственной прислугой была старая ирландка. Звали ее, как я слышала, Мэри, и мне приятно знать, что в подобном месте есть такая добросердечная женщина. Я видела от нее одну только любезность и величайшую предупредительность. Там было всего три пациентки (как их называли). Я была четвертой. Я подумала, что мне ничего не остается, как приступить к работе, поскольку по-прежнему ожидала, что первый же врач объявит меня вменяемой и отошлет назад в большой мир. Поэтому я направилась в заднюю часть помещения, представилась одной из женщин и стала ее расспрашивать. По ее словам, ее звали мисс Энн Невилл, и она была больна от переутомления. Она работала горничной, а когда ее здоровье пошатнулось, ее отправили на лечение в какой-то приют. Ее племянник, служивший официантом, остался без работы и, не имея больше возможности оплачивать ее содержание в приюте, перевел ее в Бельвью.

– Вы больны и душевно тоже? – спросила я ее.

– Нет, – сказала она. – Доктора задавали мне все эти чудные вопросы и уж так старались меня запутать, но с мозгами у меня все в порядке.

– Вы знаете, что в этот корпус отправляют только умалишенных? – спросила я.

– Знаю, да; но я ничего не могу поделать. Врачи отказываются меня выслушать, а с сестрами и говорить бесполезно.

Довольная (по множеству причин), что рассудок мисс Невилл ничуть не менее здрав, чем мой собственный, я перенесла внимание на другую пациентку. Я пришла к выводу, что она нуждается в медицинской помощи и вполне слабоумна, хотя мне приходилось видеть множество ничуть не более смысленных женщин из низших слоев общества, чье здравомыслие никогда не подвергалось сомнению.

Третья пациентка, миссис Фокс, была не слишком разговорчива. Она была очень тихой и, сообщив мне, что ее случай безнадежен, отказалась от дальнейших разговоров. Я постепенно уверялась в прочности своего положения и твердо решила, что до тех пор, пока есть надежда выполнить мою миссию, ни один врач не убедит меня, что я в своем уме. Появилась маленькая светлокочая сестра и, надев чепец, сказала мисс Болл идти обедать. Новая сестра по имени мисс Скотт подошла ко мне и грубо сказала:

– Снимайте шляпу.

– Я не буду снимать шляпу, – отвечала я. – Я жду прибытия парохода и не стану ее снимать.

– Ну, ни на какой пароход вы не отправляетесь. Все равно вы узнаете рано или поздно. Вы в лечебнице для душевнобольных.

Хотя я была прекрасно осведомлена об этом, ее прямолинейность меня потрясла.

– Я не хотела приходить сюда; я не больная и не сумасшедшая, и я тут не останусь, – сказала я.

– Вы несомненно отсюда выйдете, если не будете делать что вам говорят, – ответила мисс Скотт. – Вам придется снять шляпу, иначе я сниму ее насильно, а если сама не справлюсь – мне стоит только позвонить в колокольчик, и мне придут на подмогу. Снимете вы ее или нет?

– Нет, не сниму. Мне холодно, и я не хочу снимать шляпу, и вы не можете меня заставить.

– Я дам вам еще несколько минут, и, если вы ее не снимете, я применю силу, и предупреждаю – нежничать я не буду.

– Если вы снимете с меня шляпу, я сниму с вас чепец – смотрите сами.

Тут раздался дверной звонок, мисс Скотт пошла открывать, и я, испугавшись, что проявлением гнева выдам свое чрезмерное здравомыслие, сняла шляпу и перчатки и к тому времени, как она возвратилась, молча сидела, глядя в пространство. Я была голодна и обрадовалась, увидев, что Мэри делает приготовления к обеду. Приготовления эти были просты: она придвинула прямую скамью к голому столу и приказала пациенткам собраться вокруг «пиршества»; затем выставила перед каждой маленькую оловянную тарелку, на которой лежал кусок вареной говядины и картофеля. Еда была ледяной, как будто ее приготовили неделю назад, и ей не довелось свести знакомство ни с солью, ни с перцем. Я не пошла к столу, поэтому Мэри пошла в угол, где я сидела, и, передавая мне оловянную тарелку, спросила:

– Нет ли цента-другого, дорогуша?

– Что? – переспросила я удивленно.

– Нет ли цента-другого, дорогуша? Ты дала бы мне. У тебя-то всяко все отберут, дорогуша, так уж ты лучше мне отдай.

Теперь-то я прекрасно понимаю, что она имела в виду, но на первых порах у меня не было намерения подкупать Мэри, поскольку я опасалась, что это повлияет на ее отношение ко мне, поэтому я сказала, что потеряла сумочку, что соответствовало действительности. Но хотя я не дала Мэри ни цента, она была неизменно ко мне добра. Когда я отвергла оловянную тарелку, на которой она принесла мне еду, она достала фарфоровую, а когда я не смогла проглотить ни кусочка из этого угощения, она дала мне стакан молока и крекер.

Все окна в коридоре были раскрыты, и от холодного воздуха моя «южная кровь» дала о себе знать. Холод сделался почти невыносимым, и я пожаловалась на это мисс Скотт и мисс Болл. Но они резко ответили, что я нахожусь в благотворительном заведении и мне не приходится капризничать. Все прочие женщины страдали от холода, и самим санитаркам приходилось носить тяжелые накидки, чтобы согреться. Я спросила, можно ли мне лечь в постель. Они сказали: «Нет!» Наконец мисс Скотт достала старую серую шаль, стряхнула с нее моль и велела мне ее надеть.

Я сказала:

– Какая ужасная шаль.

– Что ж, некоторым людям пришлось бы легче, если бы они умерили спесь, – сказала мисс Скотт. – Людям в благотворительных заведениях не приходится ни на что рассчитывать или жаловаться.

Итак, я завернулась в затхло пахнущую, траченную молью шаль и уселась на плетеный стул, гадая, что меня ждет: замерзну ли я насмерть или выживу. Нос у меня заоченел, поэтому я закуталась с головой и была уже в полудреме, когда шаль внезапно сорвали у меня с лица: передо мной стояла мисс Скотт в сопровождении незнакомого человека. Незнакомец, оказавшийся доктором, приветствовал меня словами:

– Это лицо мне знакомо.

– Стало быть, вы меня знаете? – спросила я с воодушевлением, которого отнюдь не испытывала.

– Думаю, да. Откуда вы?

– Из дома.

– Где ваш дом?

– Разве вы не знаете? На Кубе.

Тут он сел рядом со мной, пощупал мой пульс, изучил язык и наконец сказал:

– Расскажите мисс Скотт о себе все, что нужно.

– Нет, не расскажу. Я не стану разговаривать с женщинами.

– Что вы делаете в Нью-Йорке?

– Ничего.

– Вы можете работать?

– No, señor.

– Скажите мне, вы уличная женщина?

– Я вас не понимаю, – ответила я, испытывая к нему искреннее отвращение.

– Я хочу сказать, позволяли ли вы мужчинам обеспечивать вас, брать на содержание?

Мне захотелось дать ему пощечину, но мне нужно было сохранять самообладание, поэтому я просто сказала:

– Не знаю, о чем вы говорите. Я всегда жила дома.

Задав мне еще множество вопросов, столь же бессмысленных, сколь бесчувственных, он оставил меня и заговорил с сестрой.

– Определенно слабоумная, – сказал он. – Я полагаю, это безнадежный случай. Ее нужно поместить в заведение, где о ней позаботятся.

Так я выдержала свое второе медицинское обследование.

После этого способности докторов окончательно упали в моих глазах, а мои собственные – возросли. Теперь я была уверена, что ни один доктор не может отличить сумасшедшего человека от здорового, если тот не буйный.

Ближе к вечеру появились женщина с мальчиком. Женщина села на лавку, а мальчик пошел внутрь переговорить с мисс Скотт. Вскоре он вышел и, кивнув на прощание женщине (которая была его матерью), удалился. Она не выглядела сумасшедшей, но историю ее мне узнать не удалось, потому что она была немкой. Во всяком случае, звали ее миссис Луиза Шанц. У нее был довольно потерянный вид, но, когда санитарка поручила ей что-то зашить, она выполнила эту работу скоро и хорошо. В три пополудни всем пациенткам дали овсяный суп, а в пять – по чашке чая и куску хлеба. Я удостоилась особого отношения: поскольку я была не в состоянии ни есть этот хлеб, ни пить субстанцию, носившую гордое название чая, мне дали стакан молока и крекер, точно так же как в полдень.

Как только зажглись газовые рожки, появилась новая пациентка – молодая девушка двадцати пяти лет. Она сказала мне, что только недавно оправилась от тяжелой болезни, и ее вид подтверждал ее слова. Было похоже, что она перенесла жестокий приступ лихорадки. «С тех пор я страдаю нервным истощением, – сказала она, – и друзья отправили меня сюда подлечиться». Я не сказала ей, где именно она находится, и она казалась вполне довольной. В 6:16 мисс Болл сказала, что собирается уходить, поэтому нам всем следует лечь в постель. После этого каждой из нас – теперь нас было шестеро – отвели комнату и велели раздеться; после этого я получила короткую фланелевую ночную сорочку. Затем она собрала всю одежду, которую я носила днем, в узел, пометила его «Браун» и унесла. Окно, забранное железной решеткой, было заперто; мисс Болл выдала мне дополнительное одеяло – составлявшее, по ее словам, редкую привилегию – и удалилась, оставив меня одну. Кровать никак нельзя было назвать удобной. Она была такой жесткой, что я не могла оставить в ней ни единой вмятины, а подушка была набита соломой. Под простыней была постелена клеенка. Наступила ночь, становилось все холоднее, и я всячески старалась согреть клеенку, но с наступлением утра она была такой же ледяной, как при первом прикосновении, превращая меня саму в подобие айсберга, так что я оставила безнадежные попытки.

Я надеялась немного отдохнуть в первую ночь в лечебнице для душевнобольных, но меня ожидало неминуемое разочарование. Ночным санитаркам было любопытно посмотреть на меня и разузнать обо мне что-нибудь, а стоило им уйти – я слышала, как кто-то под дверью справляется о Нелли Браун, и, как обычно, задрожала от страха, что мое душевное здоровье будет разоблачено. Прислушавшись к разговору, я поняла, что меня ищет репортер, и слышала, как он просит показать ему мою одежду для изучения. Я с тревогой слушала, как меня обсуждают, и испытала облегчение, узнав, что признана безнадежно сумасшедшей. Это обнадеживало. После ухода репортера появился новый посетитель – я слышала, что меня

хочет видеть доктор. Не зная его намерений, я уже воображала себе разные ужасы – врачебный осмотр и тому подобное – и тряслась от ужаса к тому времени, как они вошли в комнату.

– Нелли Браун, это доктор, он хочет с вами поговорить, – сказала сиделка. Если это все, чего ему надо, подумала я, то это я выдержу. Я высунула голову из-под одеяла, куда судорожно спряталась в испуге, и огляделась. Зрелище было вполне ободряющим.

Врач был молод, хорош собой, у него были вид и повадки джентльмена. С тех пор многие осудили его поведение, но я убеждена, что, пусть даже молодой доктор повел себя немного нескромно, он желал мне только добра. Он приблизился, сел на край кровати и ласково обнял меня за плечи. Было поистине убийственной задачей изображать умалишенную перед этим молодым человеком – всю тяжесть моего положения поймет только молодая девушка.

– Как вы себя сегодня чувствуете, Нелли? – спросил он непринужденно.

– Превосходно.

– Однако вы ведь больны, – сказал он.

– Разве? – ответила я, отвернувшись и улыбнулась в подушку.

– Когда вы покинули Кубу, Нелли?

– О, вы знаете мой дом? – спросила я.

– Прекрасно знаю. Разве вы меня не помните? Я помню вас.

– Правда? – я мысленно добавила, что я его не позабуду.

Он был с товарищем, который не позволил себе ни единого замечания, а просто разглядывал меня, лежащую в постели. После множества вопросов, на которые я отвечала правдиво, доктор меня оставил. За этим последовали новые неприятности. Всю ночь напролет санитарки читали друг другу вслух, и я знаю, что не только я, но и все прочие пациентки не могли спать. Каждые полчаса или час санитарки обходили всех пациенток, тяжелой поступью грохоча по коридору, как драгунский полк. Это, разумеется, не помогало нам заснуть. Когда дело пошло к рассвету, они начали бить яйца к завтраку, и при этом звуке я осознала, как ужасно я голодна. Время от времени из мужского отделения доносились крики и вопли, которые тоже не способствовали мирному сну. Затем прозвучал гонг, возвещавший, что карета скорой помощи доставила новых несчастных: он прозвучал как похоронный звон по жизни и свободе. Так прошла моя первая ночь в Бельвю в роли сумасшедшей.

Глава VII. Цель близка

В шесть часов утра в воскресенье 25 сентября сиделки сорвали с меня одеяло. «Пора вставать», – сказали они и открыли окно, впустив холодный ветер. Мне вернули мою одежду. Когда я оделась, меня отвели к умывальнику, где все прочие пациентки пытались освежиться со сна. В семь часов нам подали ужасное варево, которое, по словам Мэри, представляло собой куриный суп. Холод, от которого мы страдали весь вчерашний день, стал еще мучительнее, и когда я пожаловалась на это санитарке, она сообщила, что одно из правил заведения – не включать отопление до октября, так что нам придется терпеть, поскольку трубы парового отопления еще даже не приведены в порядок. Тем временем ночные санитарки, вооружившись ножницами, принялись делать пациенткам маникюр (если можно это так назвать). Они остригли мне ногти до мяса, как и нескольким другим пациенткам. Вскоре после этого появился красивый молодой доктор, и меня препроводили в его приемную.

– Кто вы? – спросил он.

– Нелли Морено, – ответила я.

– Почему же тогда вы назвались Браун? – спросил он. – Да что с вами?

– Ничего. Я не хотела здесь оказаться, но меня привезли. Я хочу уйти. Вы меня отпустите?

– Если я отведу вас наружу, вы останетесь со мной? Вы не убежите от меня, едва окажетесь на улице?

– Не могу вам этого обещать, – ответила я с улыбкой – и со вздохом, потому что он был хорош собой.

Он задал мне еще множество вопросов. Не мерещатся ли мне лица на стене? Не слышу ли я голоса? Я отвечала ему в меру своих способностей.

– Вам когда-нибудь слышатся голоса по ночам? – спросил он.

– Да, и они так много болтают, что я не могу уснуть.

– Так я и думал, – пробормотал он, а затем снова обратился ко мне: – Что говорят эти голоса?

– Ну, я не всегда прислушиваюсь. Но иногда, и довольно часто, они разговаривают о Нелли Браун, а потом – о других предметах, которые интересуют меня не в пример меньше, – ответила я чистосердечно.

– Этого достаточно, – сказал он мисс Скотт, ожидавшей под дверью.

– Я могу уйти? – спросила я.

– Да, – сказал он с удовлетворенной улыбкой, – скоро мы отправим вас в другое место.

– Здесь так холодно, я хочу уйти отсюда, – сказала я.

– Это правда, – обратился доктор к мисс Скотт. – Здесь невыносимый холод, и если вы не поостережетесь, то скоро будете иметь дело со вспышкой пневмонии.

На этом меня увели, а мое место заняла другая пациентка. Я села прямо у двери, чтобы послушать, как он станет проверять душевное здоровье других пациенток. Обследование проходило точно так же, как и мое, с небольшими вариациями. Всех пациенток спрашивали, мерещатся ли им лица на стене, слышат ли они голоса и что эти голоса говорят. Должна заметить, что все пациентки отрицали подобные причуды зрения и слуха. В десять часов нам дали по чашке несоленого говяжьего бульона; в полдень – немного холодного мяса и по картофелине; в три часа – чашку овсяной похлебки; а в 5:30 – по чашке чаю и ломтю хлеба без масла. Все мы страдали от холода и голода. После ухода врача нам выдали шали и велели ходить взад-вперед по коридорам, чтобы согреться. В течение дня корпус посетили несколько человек, которым любопытно было взглянуть на сумасшедшую девушку с Кубы. Я закутала голову под предлогом, что замерзла, потому что боялась, что кто-то из репортеров меня узнает. Некоторые из

посетителей явно искали пропавших девушек, потому что мне несколько раз велели снять шаль с лица; рассмотрев меня, они говорили: «Я ее не знаю» или [sic!] «Это не она», за что я втайне была им благодарна. Смотритель больницы О'Рурк навестил меня и попробовал на мне свое искусство дознавателя. Потом он в разное время приводил нескольких хорошо одетых дам и джентльменов, желавших взглянуть на загадочную Нелли Браун.

Наибольшее беспокойство причиняли мне репортеры. Их было так много! И все они были так смыслены и умны, что я ужасно боялась, как бы они не поняли, что я в здравом уме. Они были ко мне очень добры, любезны и тактичны в своих расспросах. Мой вчерашний ночной посетитель подошел к окну, пока другие репортеры задавали мне вопросы в приемной, и сказал сиделке, чтобы она позволяла им со мной встречаться, потому что они могут оказать содействие в раскрытии тайны моей личности.

Во второй половине дня пришел с осмотром доктор Филд. Он задал мне всего несколько вопросов, не имеющих отношения к моему делу. Главным образом он спрашивал про мой дом, друзей, а также были ли у меня любовники или была ли я когда-нибудь замужем. Он велел мне вытянуть руки и пошевелить пальцами, что я и исполнила без заминки, однако услышала, как он сказал, что мой случай безнадежен. Другим пациенткам задавали те же вопросы.

Перед самым уходом доктора мисс Тилли Майард обнаружила, что находится в отделении для душевнобольных. Она подошла к доктору Филду и спросила, почему ее отправили сюда.

– Вы только сейчас поняли, что находитесь в лечебнице для душевнобольных? – спросил доктор.

– Да; друзья сказали мне, что отправляют меня в отделение для выздоравливающих, где меня вылечат от нервного истощения, которым я страдаю со времени болезни. Я хочу немедленно покинуть это место.

– Ну, так скоро вы отсюда не выйдете, – сказал он со смешком.

– Если вы хоть в чем-нибудь разбираетесь, – ответила она, – вы должны понимать, что я в абсолютно здравом рассудке. Отчего вы меня не проверите?

– Мы знаем все, что нам нужно знать на этот счет, – сказал доктор и оставил бедную девушку в лечебнице для душевнобольных, вероятно, пожизненно, не дав ей ни малейшего шанса доказать свою вменяемость.

Ночь воскресенья была повторением субботней. Нам не давали спать неустанная болтовня санитарок и их тяжелые, не приглушенные коврами шаги по коридорам. В понедельник утром нам сказали, что в 1:30 нас увезут. Санитарки непрерывно расспрашивали меня о доме и все, кажется, были убеждены, что у меня был любовник, который выбросил меня на улицу, отчего я повредила в уме. Утром снова появилось множество репортеров. Они неумоимо старались хоть что-нибудь разузнать. Однако мисс Скотт не допустила их ко мне, за что я была ей благодарна. Если бы она предоставила им свободный доступ ко мне, вероятно, мне недолго удалось бы сохранить свой секрет, поскольку многие из них знали меня в лицо. Смотритель О'Рурк пришел с последним визитом и кратко со мной побеседовал. Он вписал свое имя в мой блокнот, сказав санитарке, что уже через час я не вспомню о его посещении. Я улыбнулась и подумала, что на его месте не была бы так уж в этом уверена. У меня были и другие посетители, но никто из них не узнал меня и не смог сообщить обо мне никаких сведений.

Наступил полдень. Я начинала нервничать, потому что приближался час моего отбытия на остров. Я боялась каждого нового посетителя, опасаясь, что моя тайна будет раскрыта в последний момент. Затем мне дали шаль, мою шляпу и перчатки – мои нервы были так расстроены, что я натянула их с трудом. Наконец появился санитар, и я попрощалась с Мэри, вложив ей в руку «цент-другой». «Благослови вас Бог, – сказала она, – я буду за вас молиться. Крепитесь, дорогуша. Вы молоды, вы еще поправитесь». Я ответила, что надеюсь на это, а затем попрощалась с мисс Скотт по-испански. Грубый санитар крепко ухватил меня под локоть и наполовину повел, наполовину потащил в карету скорой помощи. Вокруг столпились сту-

денты, разглядывавшие меня с любопытством. Я закутала лицо шалью и с облегчением нырнула в карету. Мисс Невилл, мисс Майард, миссис Фокс и миссис Шанц по очереди усадили туда вслед за мной. Санитар вошел последним, двери заперли, и мы торжественно миновали ворота, направляясь в лечебницу для душевнобольных – к победе! Пациентки не предпринимали никаких попыток бегства. От зловонного дыхания санитара кружилась голова.

На пристани карету окружила такая толпа зевак, что полиции пришлось расчищать нам дорогу к парому. Я замыкала процессию. Меня проводили вниз по трапу, дуновение ветра бросило мне в лицо запах перегара изо рта санитара, так что я зашаталась. Меня привели в грязную каюту, где на узкой скамейке уже сидели мои спутницы. Маленькие окошки были затворены, в каюте было душно и скверно пахло. В углу находилась маленькая койка в таком состоянии, что мне пришлось зажать нос, проходя мимо нее. Туда уложили больную девушку. Дополняла компанию старая женщина в гигантском капоре и с грязной корзиной, полной ломтей хлеба и мясных обрезков. Дверь охраняли две санитарки. На одной из них было платье из тика, из какого шьют перины, другая же была одета с намеком на моду. Обе эти грузные неотесанные женщины жевали табак и мастерски, но отнюдь не привлекательно сплевывали на пол. Одно из этих ужасающих созданий, по-видимому, твердо верило в воздействие силы взгляда на сумасшедших, потому что стоило одной из нас пошевелиться или встать, чтобы посмотреть в высоко расположенное окошко, она говорила: «Сядьте», – и, насунив брови, таращилась с поистине устрашающим видом. Они охраняли дверь, разговаривая с какими-то мужчинами снаружи, – обсуждали некоторых пациенток и свои личные дела, причем беседу эту нельзя было назвать ни утонченной, ни душеполезной.

Паром остановился, старуху и больную девушку увели. Остальным было велено ждать. На следующей остановке моих спутниц по очереди увели. Я была последней, и по трапу на берег меня сочли нужным сопровождать двое – мужчина и женщина. Там ожидала карета скорой помощи, в которой сидели четверо других пациенток.

– Что это за место? – спросила я мужчину, больно вцепившегося пальцами в мое плечо.

– Остров Блэкуэлл, тут живут сумасшедшие, и вам никогда отсюда не выбраться.

С этими словами он втолкнул меня в карету, подножка была поднята, какой-то офицер и почтальон вскочили на запятки, и мы резво поскакали в сумасшедший дом на острове Блэкуэлл.

Глава VIII. В сумасшедшем доме

Пока карета скоро ехала по живописным лужайкам к лечебнице, я почувствовала, что удовлетворение при мысли о достижении цели моих стараний в немалой степени умалено выражением горя на лицах моих попутчиц. Бедные женщины – они не связывали со скорым прибытием никаких надежд. Их совершенно безвинно везли в тюрьму, и по всей вероятности – пожизненно. Виселица показалась бы облегчением в сравнении с этой могилой оживших кошмаров! Карета неслась вперед, и я вместе со своими спутницами бросила последний отчаянный взгляд на волю, когда перед нами показались длинные каменные строения. Мы миновали низкое здание, источавшее такое ужасное зловоние, что мне пришлось задержать дыхание; я решила про себя, что это кухня. Позднее моя догадка подтвердилась. Я улыбнулась, увидев в конце дорожки предупреждающий знак: «Посетителям вход воспрещен». Не думаю, что в предупреждении была бы необходимость, стоило посетителю ступить хоть шаг на эту дорожку, особенно в теплый день.

Карета остановилась, и сиделка с полицейским велели нам выходить. Сиделка добавила: «Слава богу! Доехали тихо-мирно». Следуя приказу, мы поднялись на один пролет по узкой каменной лестнице, по которой, очевидно, предполагалось подниматься, перешагивая через три ступени. Я гадала, знают ли мои спутницы, куда мы попали, поэтому сказала Тилли Майард:

– Где мы?

– В лечебнице для умалишенных на острове Блэкуэлл, – ответила она грустно.

– Вы сумасшедшая? – спросила я.

– Нет, – отвечала она, – но раз уж нас отправили сюда, нужно вести себя тихо, пока мы не найдем способ отсюда выбраться. Но вряд ли такой способ сыщется, раз уж все доктора, как доктор Филд, не стали меня слушать и не дали мне возможности доказать, что я в здравом уме.

Нас ввели в узкий вестибюль, и дверь за нами захлопнулась.

Я не сомневалась в своем душевном здоровье и была уверена, что меня вызволят через несколько дней, но сердце мое болезненно сжалось. Четыре ученых доктора объявили меня сумасшедшей и поместили за суровые засовы и решетки сумасшедшего дома! И заперли меня не в одиночестве, а обрекли днем и ночью на общество бессмысленных, бредящих умалишенных. Можно ли представить положение неприятнее: спать вместе с ними, есть вместе с ними, считаться одной из них. Мы боязливо проследовали за санитаркой по голому длинному коридору в комнату, которая была полна так называемых сумасшедших женщин. Нам велели сесть, и несколько пациенток любезно потеснились, чтобы дать нам место. Они с любопытством смотрели на нас, а одна подошла ко мне и спросила:

– Кто прислал вас сюда?

– Доктора, – ответила я.

– За что? – выпытывала она.

– Ну, они сказали, что я сумасшедшая, – признала я.

– Сумасшедшая! – повторила она недоверчиво. – А так с виду и не скажешь.

Я пришла к заключению, что эта женщина слишком умна, и с радостью последовала грубому приказу следовать за санитаркой к доктору. Кстати, у этой санитарки, мисс Груп, было приятное немецкое лицо, и, если бы я не заметила суровые складки вокруг ее рта, я, подобно моим спутницам, не ждала бы от нее ничего худого. Она оставила нас в маленькой приемной в конце коридора и вошла в небольшой кабинет, выходивший в маленькую гостиную или приемную.

– Люблю проехаться в карете, – сказала она невидимому собеседнику внутри. – Помогает день разнообразить.

Он ответил, что она похорошела от свежего воздуха, и она снова появилась перед нами, так и сияя самодовольной улыбкой.

– Зайдите, Тилли Майард, – сказала она. Мисс Майард повиновалась, и, хотя мне не было видно, что происходит в кабинете, я слышала, как она спокойно, но решительно отстаивает свою правоту. Все ее замечания были совершенно разумны, и я подумала, что ее история не может не произвести впечатление на любого врача. Она рассказала о своей недавней болезни и о том, что страдает нервным истощением. Она умоляла провести любые испытания, которые позволят установить ее душевное здоровье, и отнестись к ней по справедливости. Бедная девушка, как мое сердце болело за нее! В ту минуту я решила, что сделаю все возможное, чтобы моя миссия принесла пользу моим страдающим сестрам; что я расскажу, как их отправляют на принудительное лечение без надлежащего разбирательства. Ее отослали обратно к нам без единого слова сочувствия или ободрения.

Затем перед медиком – доктором Киньером – предстала миссис Луиза.

– Ваше имя? – спросил он громко.

Она ответила по-немецки, что не говорит по-английски и ничего не понимает. Однако, когда он сказал: «Миссис Луиза Шанц», – она ответила: «Yah, yah». Он задавал ей и другие вопросы, а когда понял, что она не понимает по-английски ни слова, сказал мисс Груп:

– Вы немка, поговорите с ней.

Оказалось, что мисс Груп принадлежит к числу людей, стыдящихся своей национальности: она отказалась, говоря, что знает лишь несколько слов на своем родном языке.

– Да ну же, вы говорите по-немецки. Спросите эту женщину, чем занимается ее муж, – и они оба засмеялись, как будто над забавной шуткой.

– Я знаю только несколько слов, – возразила она, но в конце концов ей удалось выяснить род деятельности мистера Шанца.

– Ну и зачем было мне врать? – спросил доктор со смехом, смягчившим его грубость.

– Больше я ничего сказать не могу, – ответила она и больше не говорила.

Так миссис Луизу Шанц отправили в лечебницу, не предоставив ей ни малейшей возможности объясниться. Можно ли извинить подобную нерадивость, когда так просто найти переводчика? Если бы ее поместили туда лишь на несколько дней, необходимость в нем еще можно было бы оспаривать. Но эту женщину насильно лишили свободы, поместив в лечебницу и не дав ей ни единого шанса доказать свое здравомыслие. Ее отправили за решетку – вероятно, пожизненно – и даже не сообщили ей на ее языке, отчего и почему. Сравните ее с преступником, которому предоставляется любая возможность доказать свою невиновность. Кто бы не предпочел быть убийцей и получить шанс на жизнь, а не получить клеймо безумца, потеряв надежду на избавление? Миссис Шанц по-немецки умоляла сказать ей, где она находится, и молила о свободе. Голос ее прервался от рыданий, ее вывели к нам не услышанной.

Затем тому же ненадежному, смехотворному обследованию была подвергнута миссис Фокс, которая также вышла из кабинета с приговором. Настала очередь мисс Энн Невилл; я снова была оставлена напоследок. К этому времени я решила во всем вести себя так же, как на свободе, разве что не говорить, кто я и где мой дом.

Глава IX. Эксперт (?) за работой

– Нелли Браун, доктор вас зовет, – сказала мисс Груп. Я вошла и, следуя указаниям, села у стола напротив доктора Киньера.

– Как вас зовут? – спросил он, не глядя на меня.

– Нелли Браун, – ответила я охотно.

– Где ваш дом? – спросил он, записывая мои ответы в толстую книгу.

– На Кубе.

– О! – воскликнул он с внезапным пониманием, затем, обращаясь к санитарке: – Вы читали о ней в газетах?

– Да, – отвечала она, – я видела длинное сообщение об этой девушке в воскресном номере *The Sun*.

Потом доктор сказал:

– Держите ее здесь, я схожу в контору и перечитаю статью.

Доктор вышел, я была освобождена от шляпы и шали. Вернувшись, он сказал, что не смог разыскать газету, но пересказал сиделке мою историю так, как он читал ее прежде.

– Какого цвета у нее глаза?

Мисс Груп взглянула и сказала:

– Серые, – хотя все всегда говорили мне, что глаза у меня светло-карие.

– Сколько вам лет? – спросил он; и когда я ответила: «В мае исполнилось девятнадцать», – он обернулся к сиделке и сказал:

– Когда у вас следующий отпуск?

Под этим, как я выяснила, подразумевался отгул, или выходной день.

– В следующую субботу, – сказала она со смехом.

– Вы поедете в город? – они оба засмеялись, когда она ответила утвердительно, и он сказал: – Измерьте ее.

Меня поставили к измерительной линейке, крепко прижав ее к моей голове.

– Сколько там? – спросил врач.

– Вы же знаете, что я не могу понять, – сказала она.

– Нет, можете! Давайте. Какой у нее рост?

– Не знаю: тут какие-то цифры, но я не разберу.

– Конечно, разберете. Посмотрите и скажите мне.

– Не могу, посмотрите сами, – и они опять засмеялись, когда доктор встал из-за стола и подошел, чтобы взглянуть.

– Пять футов пять дюймов⁶, разве вы не видите? – спросил он, беря ее за руку и трогая цифры.

По ее голосу было понятно, что она все еще не разобралась, но меня это не касалось, а доктору, по всей видимости, доставляло удовольствие ей помогать. Затем меня поставили на весы, и она довольно долго возилась с ними, пока не добила равновесия.

– Сколько? – спросил доктор, снова занявший свое место за столом.

– Не знаю. Вам придется взглянуть самому, – ответила она, обратившись к нему по его христианскому имени, которое я забыла. Он повернулся и, также назвав ее по имени, данному при крещении, сказал:

– Вы становитесь слишком дерзкой! – и они оба рассмеялись.

Затем я сообщила санитарке свой вес – 112 фунтов⁷ – а она передала его доктору.

⁶ 165 см.

⁷ 50,8 кг.

– В котором часу вы будете ужинать? – спросил он, и она ответила. Он уделял санитарке больше внимания, чем мне, и задавал ей по шесть вопросов на каждый обращенный ко мне. Затем он вписал мой приговор в лежавшую перед ним книгу. Я сказала:

– Я не больна и не хочу здесь оставаться. Никто не имеет права вот так меня запираť.

Он не обратил на мое замечание никакого внимания и, завершив свои записи, как и разговор с сестрой, сказал, что этого достаточно, и я вернулась в приемную к своим спутникам.

– Вы играете на фортепиано? – спросили они.

– Да, с детства, – ответила я.

Тогда они настояли, чтобы я поиграла, и усадили меня на деревянный стул перед ветхим инструментом. Я взяла несколько нот, и меня передернуло от его нестройного звучания.

– Какой ужас, – воскликнула я, поворачиваясь к санитарке мисс Маккартен, стоявшей подле меня. – Я в жизни не прикасалась к более расстроенному фортепиано.

– Вот жалость-то, – сказала она ядовито. – Придется нам заказать фортепиано специально для вас.

Я принялась играть вариацию на мелодию «Дом, милый дом»⁸. Разговоры смолкли, все пациентки сидели тихо, пока мои холодные пальцы медленно и скованно двигались по клавишам. Я закончила кое-как и ответила отказом на все просьбы поиграть еще. Не видя другого свободного места, я по-прежнему сидела на стуле перед фортепиано, оценивая окружающую обстановку.

Я находилась в длинной голой комнате с голыми желтыми скамьями вдоль стен. Эти скамейки, совершенно ровные и столь же неудобные, вмещали по пять человек, хотя почти на каждой теснилось по шестеро. Зарешеченные окна в пяти футах⁹ над полом глядели на двустворчатую дверь, ведущую в коридор. Белые стены несколько разнообразили три литографии: на одной был изображен Фриц Эммет¹⁰, на двух других – исполнители негритянских песен с зачерненными лицами. В центре комнаты стоял большой стол, покрытый белой скатертью, вокруг него сидели санитарки. Все было безупречно чистым, и я подумала: как прилежно, должно быть, работают санитарки, чтобы поддерживать такой порядок. Как же я смеялась несколько дней спустя над собственной глупостью: как я только могла подумать, что это работа санитарок! Поняв, что я больше не буду играть, мисс Маккартен подошла ко мне, грубо сказала:

– Убирайтесь отсюда, – и с грохотом захлопнула фортепиано.

– Браун, подите сюда, – последовал новый приказ от грубой краснолицей женщины за столом. – Что на вас надето?

– Моя одежда, – ответила я.

Она подняла мое платье и юбки и записала пару ботинок, пару чулок, одно суконное платье, соломенную шляпу и так далее.

⁸ «Home! Sweet Home!» (1823) – песня английского композитора Генри Бишоп на стихи американского драматурга, поэта и актера Джона Пэйна.

⁹ Полтора метра.

¹⁰ Джозеф Клайн «Фриц» Эммет (1841–1891) – американский актер и музыкант немецкого происхождения, добившийся большой популярности в Нью-Йорке в 1870-е годы.

Глава X. Мой первый ужин

Когда с осмотром было покончено, мы услышали крик: «Выходите в коридор». Одна из пациенток любезно объяснила, что это приглашение к ужину. Мы, новоприбывшие, старались держаться вместе; мы вышли в коридор и встали у двери, где столпились все женщины. Как же мы дрожали, стоя там! Окна были открыты, в коридоре свистел сквозняк. Пациентки посинели от холода, минуты превратились в четверть часа. Наконец пришла санитарка и отперла дверь, через которую мы толпой устремились на лестничную площадку. Последовала новая долгая заминка прямо под открытым окном.

– Как неосмотрительно со стороны санитарок держать этих легко одетых женщин вот так на холоде, – сказала мисс Невилл.

Я поглядела на бедных дрожащих сумасшедших узниц и сочувственно добавила:

– Это ужасная жестокость.

Стоя там, я думала, что этим вечером мне поужинать не доведется. Они выглядели такими растерянными и безнадежными. Некоторые тараторили какую-то бессмыслицу невидимым собеседникам, другие бессмысленно смеялись или плакали, а одна старая седоволосая женщина подталкивала меня локтем и, подмигивая, глубокомысленно качая головой и жалостливо воздевая глаза и руки, уверяла меня, что я не должна обращать внимание на несчастных созданий, потому что все они безумны.

– Встаньте у обогревателя, – последовал приказ, – и постройтесь в очередь по двое в ряд.

– Мэри, найдите себе напарницу.

– Сколько раз повторять – станьте в очередь.

– Не двигайтесь.

Приказы сопровождалась толчками, рывками, а нередко и оплеухами. После этой третьей и последней заминки мы проследовали в длинную узкую столовую и поспешно устремились к столу.

Стол, растянувшийся во всю длину комнаты, был ничем не покрыт и непригляден. Для пациенток были приготовлены длинные скамьи без спинок, на которых они сгрудились лицом к столу. Стол был тесно уставлен чашками с розовой жидкостью, которую пациентки называли чаем. У каждой чашки лежал толстый ломоть хлеба с маслом и стояло блюдо с пятью ягодами чернослива. Толстая женщина торопливо схватила несколько блюдец своих соседок и опорожнила их в собственное блюдо. Затем, придерживая свою чашку, она подняла другую и осушила ее одним глотком. Так же она поступила со второй чашкой: все это произошло быстрее, чем я это описываю. Я была так увлечена этим успешным грабежом, что, не успела я взглянуть на собственную порцию, женщина напротив меня, не сказав даже «с вашего позволения», схватила мой хлеб, оставив меня ни с чем.

Другая пациентка, увидев это, любезно предложила мне свой хлеб, но я с благодарностью отказалась, обратилась к санитарке и попросила еще. Она швырнула толстый ломоть на стол, заметив, что хоть я и забыла, где мой дом, а есть, небось, не разучилась. Я попробовала хлеб, но масло было так ужасно, что его невозможно было есть. Голубоглазая немецкая девушка, сидевшая напротив меня, сказала, что можно попросить хлеб без масла, которое действительно почти никто не может есть. Я перенесла свое внимание на чернослив и пришла к выводу, что готова удовольствоваться очень малой долей. Пациентка рядом со мной попросила отдать его ей, так я и поступила. Все, что мне осталось, – чашка чаю. Я попробовала его, и одного глотка мне хватило. Он был без сахара, отдавал медью и был жидким, как вода. Чай также перешел к более голодной пациентке, несмотря на протесты мисс Невилл.

– Вы должны заставить себя поесть, – сказала она, – иначе вы заболете, и кто знает, не сойдете ли вы с ума, в таком-то окружении. Чтобы сохранить здравый рассудок, нужно позаботиться о желудке.

– Я просто не способна есть эту дрянь, – ответила я и, невзирая на все ее уговоры, в тот вечер так ничего и не съела.

Вскоре пациентки истребили всю бывшую на столе снедь, после чего мы получили приказ выстроиться в очередь в коридоре. После этого двери перед нами отперли, и нам приказали вернуться в гостиную. Вокруг нас столпилось множество пациенток, и они вместе с санитарками снова уговаривали меня поиграть. Чтобы доставить удовольствие пациенткам, я обещала поиграть, а мисс Тилли Майард – спеть. Первым делом меня попросили сыграть колыбельную «Спи, малыш»¹¹, так я и сделала. Она прекрасно ее спела.

¹¹ «Rock-a-bye Baby» – английская народная колыбельная, зафиксированная в середине XVIII века.

Глава XI. В ванне

Несколько песен спустя мисс Груп велела нам следовать за собой. Нас привели в холодную, сырую ванную комнату, и мне приказали раздеться. Возражала ли я? Я никогда в жизни не пыталась уклониться от чего-либо с большей горячностью! Они сказали, что, если я не послушаюсь, они применяют силу, и нежничать они не собираются. В этот момент я заметила, что одна из самых безумных женщин в палате стоит у полной ванны с большим линиялым лоскутом в руках. Она разговаривала сама с собой и хихикала – как мне показалось, зловеще. Теперь я знала, что меня ждет. Я задрожала. Они начали меня раздевать и сняли всю одежду, вещь за вещью. В конце концов на мне остался лишь один предмет. «Я не буду это снимать», – сказала я возмущенно, но они не прислушались. Я бросила взгляд на группу пациенток, собравшихся у двери и наблюдавших за этой сценой, и прыгнула в ванну скорее энергично, нежели грациозно.

Вода была холодна, как лед, и я снова стала протестовать. Но как бесполезны были мои протесты! Я умоляла, чтобы по крайней мере пациенток выгнали вон, но мне было велено замолчать. Сумасшедшая начала меня скрестить. Не могу найти более подходящего слова. Зачерпнув мыла из маленькой жестянки, она обмазала меня им целиком – даже лицо и мои славные волосы. Под конец я не могла ни видеть, ни говорить, хотя и умоляла сперва не трогать мои волосы. «Три, три, три», – приговаривала старая женщина себе под нос. Зубы у меня стучали, а конечности покрылись гусиной кожей и посинели от холода. Внезапно мне на голову вылили одно за другим три ведра воды, все такой же холодной как лед: она попала мне в глаза, в уши, нос и рот. Думаю, мои ощущения были сродни ощущениям тонущего, когда меня, дрожащую и задыхающуюся, потащили из ванны. В кои-то веки я в самом деле выглядела безумной. Неизъяснимое выражение промелькнуло на лицах моих спутниц, которые стали свидетельницами этой сцены и знали, что та же неотвратимая участь ожидает их самих. При мысли о том, какое абсурдное зрелище я собой представляю, я не могла сдержать хохота. На меня, мокрую до костей, натянули короткую фланелевую сорочку, по краю которой шли большие черные буквы: «Лечебница для душевнобольных, О. Б., к. 6». Буквы означали: «Остров Блэкуэлл, коридор 6».

К тому времени мисс Майард была раздета, и какое бы отвращение ни доставила мне недавняя ванна, я приняла бы еще одну, если бы могла этим избавить ее от той же участи. Только представить себе, что эту больную девушку швырнут в холодную ванну, которая заставила меня, никогда не хворавшую, дрожать, как в лихорадке! Я слышала, как она объясняет мисс Груп, что голова у нее еще болит после недуга. Волосы ее были коротко острижены и по большей части выпали, и она просила попросить сумасшедшую тереть полегче, но мисс Груп сказала:

– Не больно-то мы боимся вас повредить. Молчите, или будет хуже.

Мисс Майард замолчала, и в тот вечер я больше ее не видела.

Меня поспешно отвели в комнату, где стояло шесть кроватей, и велели лечь, но тут пришел еще кто-то и выдернул меня из постели со словами: «Нелли Браун сегодня должна ночевать одна, потому что она вроде шумная».

Меня отвели в комнату 28 и предоставили устраиваться на кровати. Это было непосильной задачей. Кровать возвышалась посреди комнаты и была покатою с обеих сторон. Стоило мне опустить голову на подушку, как она промокла насквозь, а от моей мокрой рубашки отсырела простыня. Когда появилась мисс Груп, я спросила, нельзя ли мне получить ночную рубашку.

– В этом заведении такого не водится, – сказала она.

– Мне не нравится спать без нее, – ответила я.

– Ну, до этого мне дела нет, – сказала она. – Вы теперь в казенном учреждении, и вам не приходится капризничать. Это благотворительное заведение, скажите спасибо за то, что есть.

– Но город оплачивает содержание таких мест, – возразила я, – и платит людям за то, чтобы они были добры к несчастным, которых сюда отправляют.

– Ну, здесь вам не стоит ждать особой доброты, потому что вам ее не видать, – сказала она, вышла и заперла дверь.

Подо мной была простыня и клеенка, другая простыня и черное шерстяное одеяло сверху. Я никогда не ощущала ничего более раздражающего, чем это шерстяное одеяло, которое я пыталась подоткнуть под плечи, чтобы под него не просачивался холод. Когда я подтягивала его повыше, мои ноги обнажались, а когда опускала пониже, снаружи оказывались плечи. В комнате не было абсолютно ничего, кроме меня самой и кровати. Поскольку дверь заперли, я полагала, что осталась в одиночестве на всю ночь, но вскоре услышала в коридоре тяжелую поступь двух женщин. Они останавливались у каждой двери, отпирали ее, а через несколько секунд запирали снова. При этом они ничуть не старались не шуметь, следуя через весь коридор по направлению к моей двери. Тут они остановились. Ключ повернулся в замке. Я смотрела, поджидая, кто войдет. Вошли две женщины в коричневых с белым полосатых платьях с медными пуговицами, широких белых передниках и маленьких белых чепчиках, с тяжелыми зелеными шнурами у пояса, с которого свисали связки больших ключей. Поскольку они были одеты так же, как дневные надзирательницы, я поняла, что это санитарки. Первая несла лампу, она направила свет мне в лицо и сказала своей помощнице:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.